

ГЛАВА 5

КАВКАЗСКИЕ УРОКИ

И. И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА

1905–1915 гг. — последний период в государственной деятельности Воронцова-Дашкова, и связан он был исключительно с Кавказом, с пребыванием на посту главы кавказской администрации.

Воронцов-Дашков тщательнейшим образом готовится к своей новой службе. Изучает разнообразные материалы, докладные записки, касающиеся положения на Кавказе. Все они рисуют одну и ту же картину: сходки, забастовки на промышленных предприятиях, почтовых чиновников и служащих на железных дорогах, захват крестьянами помещичьих и казенных земель и лесов, вооруженные нападения и т. д.¹

Ужесточение мер, вплоть до «войсковых экзекуций», аресты и высылка целых деревень — единственно возможные методы противодействия населению. В этом смысле показательным является письмо генерал-майора В. А. Альфтана, адресованное начальнику штаба Кавказского военного округа Ф. Ф. Грязнову от 4 июня 1905 г.* «О положении дел в Закавказье». Анализируя сложившуюся ситуацию, Альфтан считает оценку движения в Закавказье как исключительно аграрного ошибочной. По его убеждению, оно должно быть отнесено к революционному. Недооценка последнего послужила причиной беспрепятственного распространения движения по всему Закавказью, в результате чего им были охвачены все слои общества. Большое значение имел фактор революционной пропаганды. Требования политических свобод, создания «федерации» волновали многие умы. Принятые военные меры не только не прекратили волнений, но, напротив, усилили их. Альфтан в императивной форме мотивирует необходимость столь репрессивных действий со стороны правительства: «Только перед сильным склоняется человек вообще и только сильного слушается и уважает азиат в частности³. Касаясь межэтнической конфронтации в Восточном Закавказье, вылившейся во взаимную «кровавую и жесточайшую расправу» между армянами и азербайджанцами, Альфтан признал подобную «смуту» весьма «удачной» для власти, так как она меняла ее направленность против правительства. Об этом он доносил в своей секретной записке Столыпину⁴.

Воронцов-Дашков проводит консультации с председателем Комитета министров С. Ю. Витте, неоднократно является на доклад к императору по «кавказским делам».

* Вскоре Грязнов будет убит в Тифлисе бомбой, брошенной в него рабочим железнодорожных мастерских. Воронцов-Дашков тяжело перенесет его гибель, как он напишет Николаю II: «Лишился я честного, умного и энергичного помощника, которого будет трудно заменить; смерть его произвела на Тифлисский гарнизон сильное впечатление»².

Составлена программа реформ на Кавказе, представленная на высочайшее рассмотрение в виде «Всеподданнейшей записки генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова предположений и мер по управлению Кавказским краем»⁵.

Свою «Записку» он начал следующими словами: «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было возложить на меня в высшей степени трудную задачу — умиротворения Кавказа <...>. Призыв к ответственной работе я, в настоящую тяжелую годину, принимаю по долгу совести как повеление. Каждый верноподданный должен отложить теперь в сторону соображения о личных и семейных вопросах и весь отдаваться общегосударственному делу». Скорее всего, Николай II, останавливаясь на кандидатуре Воронцова, в свете поставленной задачи — умиротворение Кавказа, из всех его деловых качеств отдавал предпочтение его умению идти на разумные компромиссы, неприятию им скоропспелых и радикальных решений. Качествам, без которых управлять таким регионом, как Кавказ, было бы невозможно.

«Ранее чем фактически принять Кавказский край в управление, — продолжал Воронцов, — считаю решительно необходимым с полной ответственностью установить те положения, которые по моему разумению должны лечь в основу умиротворительной политики. По одобрению Вашим Величеством этой программы о ней должно быть осведомлено кавказское население. Таким образом, всем желающим слушать станет известно, что правительство открыто и с полным доверием к общественным силам идет навстречу наиболее назревших вопросов».

Необходимо обратить внимание на следующие его взгляды на управление краем.

Все народности Кавказа одинаково близки и дороги правительству. Свобода вероисповедания и покровительство духовной иерархии. Туземное происхождение само по себе ни в коем случае не может служить препятствием к приему и успешному прохождению государственной и общественной службы. Такова платформа его национально-религиозной политики. Четко обозначив свою позицию по отношению к экстремизму — ни одно правительство в мире не удовлетворит «разрушительным началам крайних элементов и стремлений анархических», — автор «Записки», тем не менее, убежден, что «благожелательное отношение к целесообразным запросам народной массы придает ей громадные силы к самозащите против анархии. В здоровой среде и вредоносные бациллы безвредны».

Преобразовательная программа Воронцова-Дашкова охватывала широкий спектр реформ, практически во всех основных сферах жизнедеятельности народов Кавказа. Опорные пункты программы, в конечном счете, консолидировались вокруг земельного и национального вопросов. Любой из аспектов жизни, будь то выборы в органы городского общественного управления или образовательные программы, в таком полиэтническом крае, как Кавказ, с его конфессиональным разнообразием, неизменно упирался в вопрос национальный.

Приоритетным пунктом его программы были крестьянские реформы: прекращение еще существовавших на Кавказе зависимых отношений крестьян различных категорий с выкупом их повинностей за счет казны. Главное же — представление права земельной собственности для государственных крестьян. Оценивая в целом комплекс мер по земельно-правовому положению местных крестьян, необходимо отметить начала в них столыпинской аграрной реформы.

В непосредственной связи с землеустройством местных крестьян стоял вопрос о размещении на Кавказе (в Восточном Закавказье) русских переселенцев. Неверные

действия администрации по размещению в крае русских переселенцев без учета малоземелья коренного крестьянства и местных особенностей форм землевладения и землепользования создавали напряжение в межэтнических контактах с местными жителями.

В программе Воронцова-Дашкова вопрос об устройстве русских переселенцев в крае ставился в прямую зависимость от решения земельного вопроса коренного крестьянства. И если раньше он видел выход из аграрного перенаселения внутренних губерний России в переселении крестьян на «незаселенные пространства наших обширных юго-восточных окраин», то теперь он уже иначе видел эту проблему. В качестве главы администрации он прежде всего радел за судьбу вверенного ему края.

Оценивая планы Воронцова-Дашкова относительно народного просвещения, обратим внимание на главную проблему — двуязычие, столь необходимое для политечнического Кавказа. Решение ее он видел в одном: в сочетании обучения на родном, или, как он любил повторять, — «материнском языке» и изучения государственного, русского языка.

Одной из больших трудностей вполне государственного значения был состав чиновничьё-бюрократического аппарата. Чиновник персонифицировал собой власть, а его поведение идентифицировалось с поведением власти. Воронцова-Дашкова заботит личный состав кавказской администрации. Нужно отметить, что эта проблема волновала его на протяжении всей его деятельности на Кавказе, а умиротворение в крае он напрямую связывал с обновлением личного состава администрации. Он набросал черновики своих предстоящих выступлений перед местной администрацией, акцентируя ее внимание на равенстве всех народов Кавказа: «Я надеюсь, что все проникнутся мыслью, что мы здесь, служа безразлично интересам всех народностей Кавказа, исполняем долг перед Его Императорским Величеством». Он обращает также внимание чиновников на меру их ответственности в предотвращении и прекращении межэтнических конфликтов: «Печальная, кровавая катастрофа бакинской резни омрачила всю Россию. Благодаря назначенному по Высочайшему повелению сенаторской ревизии выясняется причина, вызвавшая это проявление враждебности двух народов, столетиями мирно живущих бок о бок. Выясняются также и упущения и недочеты тех лиц, которые были призваны к предупреждению беспорядков»⁶.

Местная кавказская пресса предваряет приезд Воронцова-Дашкова приличествующими случаю публикациями, рекомендую нового наместника как «храброго воина, позднее прекрасного администратора, и всегда высокосимпатичного, с большим тактом и добрым сердцем человека»⁷.

Воронцова-Дашкова с надеждой ожидает местная знать. «Но кому же, — пишет ему генерал-адъютант кн. И. Амилахвари, — исправить прежние ошибки прежнего режима, как не тебе, с твоим сердцем, любовью и умением? Никто другой не поймет нынешнего Кавказа так, как должно его понять. Положительно все слои общества ожидают тебя с большой радостью и успокоением, ты внесешь в нашу жизнь идею мира и любви со всеми силами нашей дорогой общей родины»⁸.

Воронцов-Дашков прибыл на Кавказ, в административную столицу наместничества — Тифлис — 5 мая 1905 г.

Через несколько дней после его прибытия произошли армяно-азербайджанские столкновения в Нахичевани и Эривани. Это заставило наместника объявить Эривансскую губернию на военном положении. Предшествовавшей администрацией уже

были принятые санкции (охваченные революционным движением территории края были объявлены на военном положении), и из них самые репрессивные — карательные экспедиции Алиханова-Аварского⁹. Николай II настаивал на самых решительных мерах «для предотвращения мятежного движения и беспорядков»¹⁰. Воронцов был вынужден действовать в русле прежних военных мер, параллельно с этим пытаясь разобраться в причинах происходящего. Поставив перед собой задачу изучения коренных причин дестабилизации, создавшейся на Кавказе, он прекрасно понимал, сколь затруднительной была эта задача. Впоследствии он писал: «Мне приходилось немедленно же принимать меры против все более и более развивавшихся беспорядков и в то же время самостоятельно изучать истинную причину их. В таких условиях я не мог избежнуть, само собой разумеется <...> некоторых ошибок»¹¹. Тактически, считал Воронцов, «самовольные расправы с населением, — как он сообщал императору, — действуют лишь в обратном направлении»¹².

В 1905 г. правительство вынуждено пойти на конституционные уступки и 17 октября принимает манифест «Об усовершенствовании порядка». Гражданам России были дарованы гражданские свободы: неприкосновенность личности, свобода совести и слова, собраний и союзов, расширение избирательных прав.

На следующий день, 18 октября, кавказский наместник обратился с возванием «К населению Кавказского края» — оно было опубликовано на трех языках: русском, армянском и азербайджанском. «Продолжительность беспорядков, — говорилось в возвании, — в виду разбросанности мест их возникновения и отдаленности от пунктов расположения войск и, быть может, нераспорядительность в иных случаях местных властей дали повод, с одной стороны, неблагонамеренным лицам распускать среди населения слухи о том, что будто беспорядки эти обостряются правительством, с другой же — верить этим слухам. Не останавливаясь долго на этих злонамеренных измышлениях, слишком противоречащих здравому рассудку, я долгом считаю обратиться к населению <...> без различия религий и национальностей, с призывом позабыть пагубную племенную рознь, ведущую к взаимному истреблению и разорению, и соединиться в дружном труде на благо нашей родины, на благо Кавказа, на благо жен и детей <...>. В этом призывае к успокоению страстей и к мирному труду я рассчитываю на плодотворное содействие пользующегося уважением населения влиятельных лиц и в особенности местного духовенства всех религий»¹³.

В октябрьские дни Тифлис охватили митинги. Дарование свобод кружило головы и воспринималось как призыв к вседозволенности. Лишь один дворец наместника на Головинском проспекте сохранял спокойствие. В подобных случаях наместник неизменно повторял: «Больше спокойствия и хладнокровия». Только что созданная черносотенная организация «Союз русского народа» провела одну из своих первых акций в виде манифестации в Тифлисе. Усмотрев в действиях кавказской администрации антирусскую направленность, она вывела тысячную толпу на улицы города под своими ура-патриотическими лозунгами. И. И. Воронцов-Дашков попросил манифестантов разойтись, на что те ответили отказом. Раздавшиеся провокационные выстрелы вызвали панику. Казаки открыли стрельбу, в результате которой погибли люди.

Необходимо отметить, что набиравшая силу массовая черносотенная организация «Союз русского народа» играла провокационную роль на Кавказе. Организация ее неразрывно связана с именем одного из ее создателей и лидеров Пуришкевича. Деятельность организации, с ее программой великодержавного шовинизма и рели-

тиозной нетерпимости, способствовала дестабилизации обстановки в многонациональном регионе. В начале 1908 г. от «Союза русского народа» отпочковался «Союз Михаила Архангела», настаивавший на полном лишении евреев избирательных прав и ограничении представительства Польши и Кавказа. Черносотенцы систематически будоражили общество различного рода слухами, сделав основной мишенью критики кавказскую администрацию. Используя правую печать, они всячески пытались подорвать авторитет наместника, упрекая его за «бездействие» в борьбе с революционерами, призывая к более решительным мерам против «крамольного Кавказа». Черносотенная организация, по существу, стала на Кавказе пятой колонной шовинистически настроенной части российского общества. Все это вылилось в прогремевшее на всю Россию обсуждение т. н. «кавказского запроса», автором которого был Пуришкевич, но об этом далее.

Поведение власти после принятия Манифеста 17 октября вызвало беспокойство кавказского наместника, хотя касалось оно мест, удаленных от Кавказа — Польши и внутренних губерний России. Воронцов считал, что созданный прецедент неизбежно должен был сказаться на кавказской ситуации. Правительство, объявив о даровании свобод, тут же лишило их Царство Польское. В три губернии — Саратовскую, Тамбовскую и Черниговскую — были назначены генерал-адъютанты с чрезвычайными полномочиями. Воронцов-Дашков негативно отреагировал на циркулярную телеграмму Дурново, предписывавшего в числе прочих мер арестовывать «вредных людей». И если аресты лиц, переступивших закон, были актом объективным, то представление столь широких полномочий губернатору по определению меры вреда, приносимого тем или иным лицом, не согласовывалось с заявленными в Манифесте принципами.

С этими соображениями Воронцов-Дашков обратился к инициатору Манифеста С. Ю. Витте: «Зачем же колебать доверие к Царскому слову указами лишения дарованных населению прав! Остальная Россия может усомниться в прочности обещаний Государя и относительно его. Этими угрозами сыграли в руку революционерам, которые твердят, что верить Царским обещаниям нельзя и что доказательство тому налицо»¹⁴.

Ситуация на Кавказе, состояние здоровья, обстоятельства личного характера вызывали у кавказского наместника сомнения в возможности эффективного управления регионом. И он обращается к царю с просьбой об отставке: «С прискорбием пишу это письмо, но прошу верить, что только преданность Вам и России мною руководит <...>. Дела кавказские требуют другого наместника, молодого, здорового и более предприимчивого, чем я. Мне 69-й год, и семь месяцев неустанной работы, с постоянным напряжением нервной системы до того расшатали мои силы, что я не в состоянии исполнить свой долг и удовлетворить всем требованиям, событиями мне представляемым. Я готов умереть за царя и родину — это не хитро — но жить здесь при убеждении, что мои силы не достаточны, тяжко и горестно <...>. В таком состоянии дела не могут двигаться успешно»¹⁵.

Николай II получил письмо Воронцова-Дашкова в весьма «неблагоприятный» момент. «Каково же было мое глубокое удивление, — отвечает государь Воронцову, — когда <...> я получил ваше письмо с просьбой об увольнении от должности? оно пришло в разгар Московского мятежа». Николай II и вдовствующая императрица Мария Федоровна обмениваются по этому поводу письмами. Николай сообщает

матери: «Кавказ телеграфом отрезан от России. Бедный Воронцов совсем болен и писал мне, что не может управлять краем и просит настойчиво уйти, уже второй раз. Ужасно жаль». Мария Федоровна также огорчена плохим самочувствием Воронцова и событиями на Кавказе. «Так жаль, — отвечает она сыну, — что бедный Воронцов не может продолжать по болезни и ужасно грустно, что на Кавказе так все плохо. Жалко, что Воронцов был назначен, когда положение уже было так испорчено и напутано, ему, конечно, было не под силу бороться с революцией. Он это тогда чувствовал и принял только из преданности». Но уже 12 января 1906 г. Николай II с удовлетворением пишет матери о том, что Воронцов «к счастью <...> теперь поправился и стал действовать энергично — сейчас же все там пошло лучше». И царь не принимает отставки кавказского наместника: «Знаю, как трудна ваша задача и как тяжело вам в ваши годы оружием защищать путь к умиротворению <...>. Но я верю вам и полагаюсь на вашу служебную опытность и личные качества <...>. Поэтому не могу согласиться на вашу просьбу <...> о замене вас другим лицом. Ради любви вашей к России и блага Кавказа и ради преданности вашей мне, прошу вас, граф, оставаться и продолжать работать на вашем ответственном боевом посту¹⁶».

* * *

Тогда было начато фронтальное решение всех насущных проблем Кавказа базисного значения.

Первые же шаги И. И. Воронцова-Дашкова были направлены на скорейшее устранение тех ошибок, которые были допущены предшествующей администрацией и не могли не способствовать обострению социальных и межнациональных противоречий в крае.

Оценка ее деятельности в устах Воронцова звучит как приговор бюрократической системе. Как он отмечал в своей «Всеподданнейшей записке»: «Местная администрация, неприспособленная к вдумчивой, самостоятельной деятельности, привыкшая в течение долгих лет только к беспрекословному, чисто внешнему выполнению приказаний начальства и предупреждению его желаний, в смысле представления положения вещей в благоприятном для него свете, с тщательным скрыванием всего того, что нарушает картину общего благополучия, оказалась не в состоянии разобраться в причинах совершающегося, <...> не справляясь с анализом действительной жизни»¹⁷.

Еще находясь в Петербурге и готовясь к своей новой должности, Воронцов-Дашков в своем верноподданнейшем докладе обращает внимание императора на необходимость усиления полицейской части на Кавказе. Это диктовалось как топографией края, так и диффузным характером расселения этносов. Вспыхивавшие то тут, то там межэтнические столкновения требовали немедленного погашения. Кроме многочисленности жандармских управ и численности их личного состава, они действовали обособленно от административных органов. Воронцов-Дашков добивается учреждения должности помощника наместника по полицейской части¹⁸.

Нужно ли напоминать, что это было время роста, в разной степени, национального самосознания у отдельных народов края, возникновения националистических организаций, партий. Поражает разнообразие партий, действовавших на Кавказе и, соответственно, их программ: национальные и националистические, партии, объединя-

няемые по конфессиональному признаку (мусульман), социал-федералисты и автономисты. Кроме них, партии российские: черносотенная, большевики и меньшевики, социал-революционеры и анархисты, вполне интернациональные по своему составу. Революционная пропаганда в армии изнутри разрушала ее. В то же время, казаки, находившиеся в конфронтации к революционерам, жестоким образом подавляли их выступления, подчас выходя из-под контроля властей.

Задуманная Воронцовым-Дашковым программа, ориентированная на решение общерегиональных проблем, имела при этом адресную направленность — и в этом заключалась ее главная особенность. Она учитывала болевые точки в «самочувствии» каждого из народов подведомственного ему края, а следовательно, была нацелена на их ликвидацию. Но при этом генеральной оставалась стратегическая задача — сохранение целостности Кавказа в составе Российской империи, что предполагало устранение причин, порождавших сепаратистские стремления народов края.

Прежде всего, требовалось восстановить права армянской церкви. По представлению Воронцова-Дашкова был отменен указ 1903 г. о секвестре имущества армяногрекорианской церкви и закрытии армянских церковных школ. Далее, Воронцов осуждающее оценил задуманный вопреки его докладам, «в недостаточно осведомленном С.-Петербурге», грандиозный процесс по делу партии «Дашнакцутюн», который, по мнению его организаторов, должен был доказать революционность целого народа. Более того, без ведома наместника была арестована почти тысяча армян, среди которых значились видные капиталисты и общественные деятели. Процесс окончился крахом — наказанием небольшой горстки людей, что могло быть достигнуто обычным судебным порядком¹⁹.

Воронцов-Дашков осознавал угрозу, таившуюся в политике отождествления целого народа с революционером-террористом. В условиях межэтнических конфронтаций это усиливало неприязнь, ставя в положение изоляции весь народ. Другой стороной так называемого армянского вопроса был его международный аспект, и, памятая об этом, кавказский наместник должен был либеральными средствами погасить сепаратистские тенденции армян внутри России.

Исторически сложившиеся судьбы каждого из вовлеченных в межэтническую конфронтацию народов, несомненно, приводили к укоренению в их этносамосознании ощущения народа гонимого. Так было и с армянами, не имевшими своей государственности и ущемленными акциями Голицына, так и с азербайджанцами как мусульманами, ущемленными в социально-политических правах.

Вопрос о защите гражданских прав мусульманского населения на Кавказе оказался связанным с общегосударственными установлениями. Речь шла об избирательных правах мусульманских жителей при выборах в органы городского самоуправления. Кавказскому наместнику пришлось собственным решением снять ограничения для мусульман при выборах в городскую думу г. Елисаветполя со смешанным азербайджанским и армянским населением. В соответствии с законодательством, число гласных среди азербайджанцев было бы непропорциональным их количеству в городе, что могло бы повлечь за собой новые беспорядки.

Поскольку городские положения распространялись постепенно на территории Кавказа, то при очередном введении городского положения 1892 г. в г. Карсе Воронцов-Дашков пытался не допустить применения его дискриминационных статей. В 1907 г. им был внесен в З-ю Государственную Думу новый законопроект. Он

настаивал на соблюдении равных избирательных прав как для христианского, так и нехристианского населения. Кроме того, он являлся противником проведения городских выборов по двум самостоятельным куриям — одной для лиц русского происхождения, другой — для представителей коренных народов. С таким предложением выступала Государственная Дума. Кавказский наместник считал, что разделение на курии — русскую и туземную — может быть понято последними как недоверие к ним со стороны правительства и русского населения и повлечет за собой лишь национальную рознь между русскими и коренными жителями, а кроме того, «внесение в городское дело нового принципа национальности может обострить вместе с тем отношение туземцев между собою, наталкивая их на мысль о неправильном фактическом распределении городских гласных по их туземным национальностям в разных городах края»²⁰. В последнем случае кавказский наместник имел в виду прежде всего конфликты между армянами и азербайджанцами, то и дело вспыхивавшие в городах края.

Однако думское большинство потребовало изменений законопроекта в националистическом русле, настаивая на разделении избирателей на две курии — русскую и туземную. Как гласила формулировка октябрьских: «Находя необходимым обеспечить при введении описанного городового положения справедливое представительство русского населения и его интересов — Государственная Дума возвращает законопроект в комиссию <...> для его дополнительной разработки в описанном направлении». При этом вызывает удивление тот факт, что законопроект был выдвинут не социал-демократической фракцией, полностью поддержавшей выдвинутый проект, а представителем самой власти.

Законопроект кавказского наместника был возвращен для переработки. Комиссия обратилась к Воронцову-Дашкову с вопросом: насколько возможно введение в Карсе такого городского самоуправления, от которого не страдали бы интересы русских. В своем ответе кавказский наместник отметил, что русское население достигало без малого 8 % всех жителей города и из них значительное количество составляли сектанты. В этой связи депутат Н. С. Чхеидзе обратил внимание Думы на одну весьма примечательную деталь. Сосланные в Карс из внутренних губерний России сектанты, гонимые властью и лишенные сносного существования, неожиданно стали объектами заботы со стороны правых, рьяно принявшихся защищать их гражданские права.

Далее наместник в своем докладе обратил внимание комиссии на то, что русское население края никогда не устраивалось туземным населением от участия в городских делах, чем и объясняется количество русских гласных в составе тифлисской и других местных городских дум, а бакинская городская дума в таком случае не стремилась бы иметь во главе городского управления русского городского голову. И. И. Воронцов-Дашков вновь предостерегает: преимущественное участие русских в органах городского самоуправления «неблагоприятно отразится на взаимных отношениях русского и туземного населения в Кавказе».

Обсуждение этого вопроса получило более расширительное понимание избирательных прав населения, состоявшего, как известно, не только из русских. Депутат от мусульманской фракции Х. Хас-Мамедов заявил: «Не только русское население, но всякая другая группа должна быть представлена в местных общественных учреждениях», и, ставя вопрос о системе пропорционального представительства, нельзя учитывать интересы лишь одной нации. В том же Карсе проживали греки, турки.

В последнем случае складывалась парадоксальная ситуация. Рядом с Карсом находилось турецкое государство, где уже были введены равноправные избирательные права. Таким образом, турецкое население Карса, еще недавно входившее в состав Турции, не могло не почувствовать игнорирования его прав. Следовательно, выделяя русское население в особую курию, законодатель тем самым создавал на окраинах русский сепаратизм, о котором применительно к Кавказу так много говорилось в Государственной Думе.

Все предложения и поправки кавказских депутатов были отвергнуты Думой. Законопроект был принят, но не утвержден Государственным Советом, посчитавшим законопроект Воронцова-Дашкова слишком либеральным. Вот еще один разительный пример правовой ограниченности первого российского парламента, зависимого от исполнительной власти, действовавшей, в свою очередь, в рамках самодержавной монархии.

* * *

Решение национальных проблем было неразрывно связано с конфессиональной политикой правительства. В свете полиэтнического и поликонфессионального состава населения Кавказа эта политика имела свои субрегиональные особенности. Как известно, политика России зиждалась на стремлении к постоянному государственному контролю над всеми религиозными институтами в пределах империи, что касалось преимущественно российских мусульман. Система мусульманских духовных учреждений сложилась не сразу, прежде всего в Закавказье. Лишь в 1872 г. было высочайше утверждено положение об управлении закавказского мусульманского духовенства, дифференцированного по двум основным толкам ислама: отдельно для духовенства шиитского и суннитского учений, но идентичное по своему содержанию.

Иная ситуация сложилась для мусульман Северного Кавказа. В ходе Кавказской войны, а также по ее завершению, правительство пыталось локализовать мусульманское влияние. Вопрос о создании здесь соответствующих институтов духовного управления для мусульман принял затяжной характер. В целом сводился он к идеи ограничения числа мусульманского духовенства и подчинения его местной администрации. В 1906 г., по предложению председателя Особого совещания по делам веры гр. А. П. Игнатьева 2-го и по распоряжению Воронцова-Дашкова, состоялось Особое совещание представителей мусульман Терской и Кубанской областей, выработавшее положение об учреждении самостоятельного духовного управления для мусульман Северного Кавказа. Однако ни тогда, ни позже попытки кавказской администрации решить этот вопрос не увенчались успехом, и кавказскому наместнику оставалось по возможности на практике корректировать действия властей²¹.

На пике межэтнических конfrontаций, в 1905 г. представители азербайджанской буржуазии и интеллигенции обратились к правительству с петицией, апеллировавшей от имени всех мусульман края. В ней были перечислены все ограничения, которые вводило в общественную и социально-политическую жизнь мусульман существующее законодательство. Идеологи этой акции решили также воспользоваться пребыванием в Тифлисе сенатора А. М. Кузминского, находившегося в крае как раз в связи с межэтническими столкновениями. К нему была направлена представительная депутация, выразившая пожелание, чтобы мусульманам, подобно другим населяющим

империю народностям, были бы даны одинаковые права — политические, гражданские, религиозные. Использовались и другие возможности.

В том же 1905 г. состоялся съезд депутатов от «мусульман Кавказа», на котором была принята петиция в адрес кавказского наместника. Воронцов-Дашков на встрече с одним из лидеров движения признал справедливыми изложенные в документе требования. Он обещал обратить особое внимание на открытие школ на родном языке, женского учебного заведения и мусульманского духовного учебного заведения, оказать содействие изданию книг и прессы на родном языке и т. п. Однако решение ряда вопросов возможно было исключительно в законодательном порядке²², что, увы, не являлось его компетенцией.

Воронцов-Дашков принял решение созвать своего рода широкую конференцию — так называемый «примирительный» съезд. Открылся он 20 февраля 1906 г. в Георгиевском зале дворца кавказского наместника. Съезд был весьма представительным: члены Совета наместника, высшие чины, губернская администрация, духовные лица. В Тифлис съехались азербайджанская и армянская элита. Широко была представлена местная пресса: «Кавказ», «Новое обозрение», «Тифлисский листок», «Каспий», «Мшак», «Арач», «Иршад». Съезд продлился до 6 марта, и это позволило участникам обстоятельно обсудить волновавшие всех проблемы.

В своем выступлении кавказский наместник был вынужден сделать следующее признание: «Целый год длится безумная резня мусульман с армянами, целый год все мои старания прекратить беспорядки повели лишь к некоторой локализации зла, к некоторому затишью <...>. Теперь я вас созвал — выборных от мусульман и армян не только для того, чтобы вы словом и влиянием вашим воздействовали на единомышленников ваших в пользу мира, но для того, чтобы вы обсудили те меры, которые могли бы оказать действенную пользу»²³. По свидетельству очевидца, речь наместника «на всех делегатов произвела потрясающее впечатление <...>. Все почувствовали, что граф искренно хочет положить конец дикой взаимной распре двух народов, существующих стать на путь мирного труда и преуспеяния»²⁴.

Введение в крае всеобщего обязательного бесплатного обучения в начальной школе с преподаванием на родном языке, создание, по возможности, передвижных школ в селениях со смешанным населением, фактическое уравнение правового положения всех слоев населения, учреждение суда присяжных, выборность мировых судей, владеющих местными языками, создание при наместнике особого совещания из выборных от населения, что могло бы способствовать его «умиротворению» — таков, в целом, круг проблем, обсуждавшихся на съезде. Сразу же по завершении работы съезда были созданы губернские и уездные примирительные комиссии с правом совещательного голоса по вопросам межнациональных отношений²⁵.

Необходимо подчеркнуть, что созыв подобного съезда был явлением беспрецедентным для России, только вступившей на путь парламентаризма, и потому по своему значению он выходил за пределы исключительно регионального масштаба. Избранная Воронцовым-Дашковым форма непосредственного общения двух сторон, конфликтующих, но консолидировавшихся в своих требованиях, с участием администрации, по своему существу отвечала мировым демократическим традициям. Съезд показал не только причины межэтнической конфронтации, но прежде всего обнажил негативные реалии социально-политической и культурной жизни края. Выдвинутые требования были адресованы власти, несущей ответственность за положение дел на

окраинах империи. Важно также отметить, что основные позиции выработанной на съезде программы совпали с теми, которые были разработаны Воронцовым-Дашковым в его программе по управлению Кавказом.

Как известно, лишение автокефалии грузинской церкви, произошедшее в начальный период присоединения Грузии к России, стало сильным фактором роста национального самосознания грузин. Необходимость этого факта была очевидной, и поэтому единственным для Воронцова-Дашкова оставалось его умение лично ладить с экзархом Грузии, устранивая все, что могло привести к столкновениям с представителями русского духовенства в Закавказье, и по возможности корректируя действия Священного Синода.

Проблемы развития народного образования на Кавказе виделись Воронцовым-Дашковым в масштабах более значительных, чем собственно образовательный фактор, а потому истинная оценка его действий должна быть произведена в контексте проводимой им этноконфессиональной политики.

В этой связи он считал необходимым введение на Кавказе образовательной системы Ильминского, которую отличало «уважение» к национальным особенностям, «доверие к инородцам», что не могло приводить к их «насильственной» ассимиляции. При этом Воронцов не соглашался с теми, кто утверждал, будто система Ильминского исключительно миссионерская, поскольку ей чужд религиозный прозелитизм. Применение этой системы он считал возможным и среди мусульманского населения, призывая обратить особое внимание на присущее ему и отличное от христиан миропонимание. Предлагая дополнительные механизмы применения системы Ильминского в мусульманских школах, Воронцов-Дашков видел в этом путь к сближению двух миров — мусульманского и христианского. Проблема эта, в условиях доктрины полного слияния окраин с империей, была первой важности и, как показало время, в том числе и с точки зрения ее исторической перспективы.

* * *

Воронцов-Дашков, прибывший на Кавказ в разгар революционных событий и межэтнической конфронтации, был поставлен перед необходимостью принятия немедленных мер. А это означало — применение военных, чрезвычайных мер, в глазах власти — единственно правильных. Решительных действий от наместника требовали предприниматели, владельцы нефтяных промыслов в Бакинском нефтепромышленном районе, особенно охваченных революционными выступлениями. На состоявшемся осенью 1905 г. в Петербурге совещании нефтепромышленники настаивали на усилении бакинского гарнизона и полиции, учреждении градоначальства с частичным его финансированием за счет Совета съезда нефтепромышленников. В районы, наиболее пораженные революционным движением, стягивались дополнительные воинские силы²⁶. Воронцов неоднократно обращался к царю с просьбой выслать войска для охраны железной дороги и был вынужден возлагать на казаков полицейские функции. Он высказывал неудовольствие по поводу распоряжения Николая II о переброске 33-й дивизии в Киев для замены ее другими частями, что могло привести к усилению революционного движения до размеров, трудно предвидимых. Ему приходилось помнить и о стратегическом значении пограничных районов, охваченных революционным движением.

Кавказский наместник оставался непреклонным в борьбе с главарями отрядов, занимавшихся грабежами и разбоями, нападавших на правительственные войска. Принимавшее обличье социальной войны гачагство в губерниях Закавказья (Дали-Али²⁷ и Юсуф) и абречество среди горцев Северного Кавказа (Зелим-хан) постоянно дестабилизировали обстановку в крае, его сельских местностях. Главари этих банд были трудно уловимы, поскольку пользовались сочувствием местного населения, укрывавшего их. Особенно это касалось Зелим-хана. Его не удавалось поймать на протяжении более чем десяти лет. Правительство было вынуждено пойти на крайние меры по отношению к жителям тех аулов, которые предоставляли убежище Зелим-хану. Все они были депортированы в Сибирь. Воронцов-Дашков, со своей стороны, почел невозможным удовлетворить множественные обращения жителей аулов с просьбой об отмене административной высылки в Сибирь. Как он сообщал П. А. Столыпину, проявление в данном случае снисходительности «может подорвать престиж власти <...>, если известная населению заранее угроза ею не будет приведена в исполнение и начатая мера будет оставлена не доведеною до конца». По мнению И. И. Воронцова-Дашкова, единственное, чем могло быть облегчено их положение, так это наделение их в Сибири земельными участками с пособиями от казны, о чём ему уже приходилось ходатайствовать перед Столыпиным²⁷.

Но кавказский наместник не оставляет своих усилий по урегулированию ситуации путем принятия ряда компромиссных мер. В частности, для восстановления доверия населения к местной администрации, немало способствовавшей обострению социальных и национальных противоречий в крае, он заменил наиболее одиозную ее часть людьми, пользующимися уважением местных жителей. Своим помощником по гражданской части он назначил Султан-Крым-Гирея, человека «выдающегося» по своим качествам — честного, образованного и хорошо знающего местное народное хозяйство. Но опыт не удался, да и вызвал неудовольствие государя, и Воронцов-Дашков вынужден был заменить его другим.

Но наиболее нашумевшим было назначение кутаисским губернатором известного агронома В. А. Старосельского. Старосельский был связан с социал-демократами, и лично знавший его Воронцов-Дашков надеялся использовать его авторитет в губернии, где крестьянское движение приобрело наибольший размах. Однако деятельность «красного губернатора» настолько шла вразрез с представлениями властей о методах борьбы с революцией, что вскоре он былмещен, судим, а впоследствии вынужден был и эмигрировать²⁸. Реакция Николая II на оба назначения не замедлила сказаться. Государь пишет Воронцову: «Извините, если я затрону щекотливый вопрос о Крым-Гирее. Я не думаю, чтобы он был вам полезным советчиком и помощником. Но вот о ком я считаю нужным сказать крепкое слово — это о кутаисском губернаторе Старосельском. По всем полученным мною сведениям он настоящий революционер, поддерживающий с той партией открытые отношения. Поистине место его <...> на хоровой иве!»²⁹.

Но Воронцов-Дашков вновь прибегает к непопулярным мерам. В ноябре 1905 г. назревало еще одно армяно-азербайджанское вооруженное столкновение. Вмешательство властей и мирные переговоры ни к чему не привели. Представители адми-

²⁷ Собственно именем является Али, Дали — это прозвище, по-азербайджански означающее «сумасшедший».

нистрации вступили в переговоры с известным социал-демократом, учителем И. И. Рамишвили (вскоре он был избран депутатом 1-ой Государственной Думы). Социал-демократическая партия взяла на себя примирение армян и азербайджанцев. Под личное поручительство Рамишвили было выдано 500 винтовок, которые должны были быть возвращены по ликвидации конфликта. Дело приняло неожиданный оборот. Тифлисский гарнизон ответил митингом на решение главнокомандующего, где было постановлено: «отобрать силою оружие от социалистов». Вмешались казаки, пытавшиеся отобрать оружие у социал-демократов, сопровождавших мирных жителей. В результате погибли ни в чем не повинные люди^{*}. История получила огласку, была доведена в искаженном виде до сведения Николая II, вызвав его очередное неудовольствие. «Министр юстиции доложил, — писал император наместнику, — что вами была разрешена выдача пятисот винтовок революционерам, занявшим вместо полиции охрану города, следствием чего была схватка между армянами и татарами. Отказываюсь верить этому невероятному известию»³⁰. Различные политические силы по-своему интерпретировали этот инцидент: власть обвиняла кавказского наместника в слабости, большевики, а следом и советская историография, видели в этом пример политики царизма: «разделяй и властвуй».

* * *

Необходимо отметить, что уже первые действия кавказского наместника по подавлению революционного движения вызвали ожесточенные споры, центральное правительство считало их недостаточно энергичными. Практически весь десятилетний период пребывания И. И. Воронцова-Дашкова на посту кавказского наместника его отношения с Советом министров находились в состоянии перманентной конфронтации, при этом инициатива их урегулирования исходила всегда от самого Воронцова³¹. Некоторые усматривали в действиях Воронцова-Дашкова отсутствие последовательности, в то время как он пытался использовать все возможные меры. С. Ю. Витте писал: «На Кавказе целые уезды и города находились в полном восстании, происходили ежедневные убийства, наместник граф Воронцов-Дашков проводил политику „доброжелательства“, выражавшуюся в постоянной смене либеральнейших и реакционных мер, то та, то другая местность объявлялись на военном положении чрезвычайной охраны, то эта мера опять отменялась. Вообще, граф хотя, несомненно, умный, благожелательный и хороший человек, но всегда главный его недостаток заключается в самом невозможном подборе сотрудников»³². Витте даже настаивал на увольнении Воронцова-Дашкова с поста наместника³³. Но со временем он пересмотрел свое отношение к деятельности Воронцова-Дашкова на Кавказе, видя в ней продолжение традиций «лучших правителей» края: М. С. Воронцова, А. И. Барятинского. Обвиняя кавказского наместника в непоследовательности, он, тем не менее, противопоставлял ее националистической и русификаторской политике его предшественника — главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Г. С. Голицына и тому, как хотел управлять Кавказом «штык-юнкер П. А. Столыпин»³⁴.

Разногласия с центральной властью в оценке социально-политической обстанов-

^{*} Эпизод этот был подробно описан в воспоминаниях начальника конвоя наместника Н. А. Бигаева. (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 247. Л. 16–18).

ки на Кавказе особенно обостряются в период премьерства П. А. Столыпина. Он обратил внимание кавказского наместника на отступление местных властей от общей политики правительства, вступившей на «неуклонный путь твердых мероприятий» в период межэтнических конфликтов и революционных столкновений в 1905–1907 гг. Столыпин обвинил кавказскую администрацию в бездействии: «Только отсутствием со стороны чинов областной и губернской администрации дружного, решительного, планомерного отпора всяkim, даже малейшим, выступлениям преступных организаций и отдельных лиц возможно объяснить наличие <...> отрицательных явлений, внушающих самые тревожные опасения за дальнейшую судьбу края»³⁵.

Столыпин направляет Воронцову-Дашкову письмо (от 11 апреля 1908 г.), в котором высказывает ряд претензий по поводу деятельности кавказского наместника. Ознакомившись с поступившими в Министерство внутренних дел сведениями о развитии терроризма на Кавказе, Столыпин посчитал действия наместника недостаточно репрессивными, более того, либеральными. Основные претензии премьер-министра касались патерналистского, по его мнению, отношения к армянам, недооценки наместником партии «Дашнакцутюн», представляющей государственную опасность.

И. И. Воронцов-Дашков ответил ему обстоятельным письмом (от 23 июля 1908 г.), в котором обратил внимание премьер-министра на его недостаточную осведомленность, следствием чего явились «неверное освещение отдельных событий и совершение неосновательное обвинение администрации края в бездействии власти». В ряду приведенных Воронцовым аргументов против обвинений в адрес кавказской администрации он назвал объективные причины местного, регионального значения. Кроме того, как полагал наместник, приведенные Столыпиным факты взяты без «причинной связи с предшествовавшими событиями». Но основная его мысль заключалась в том, что имели они системный характер, являясь частью общего. «Я уверен, — отвечал Воронцов-Дашков Столыпину, — что, если бы подобный упрек мог быть адресован администрации обеих столиц, любого района внутренних губерний, по площади соответствующих Кавказу, не говоря уже о губерниях прибалтийских или привислинских <...> то, несомненно, картина получилась бы не менее печальная».

Далее наместник обращал внимание председателя Совета министров на различия в уровне правосознания жителей Кавказа и перечисленных районов. Это означало, что при оценке событий на Кавказе должен быть учтен фактор существования иной, исторически сложившейся модели миропонимания и миропорядка.

Касаясь армянского вопроса, Воронцов отвечал в русле его неоднократно излагаемых взглядов, в частности, в переписке с Николаем II о значении этого вопроса в контексте международных отношений, политики России в Турции и Персии, подготовки к неизбежной, с его точки зрения, войне с Турцией. В этой связи наместник напоминал о традиционной протекционистской политике России по отношению к армянам, чтобы в случае войны лояльно настроенные армяне гарантировали России сторонников в тылу Турции. Ход событий подтвердил обоснованный прогноз Воронцова-Дашкова. В канун вступления России в Первую мировую войну в ней вновь заговорили о защите угнетенных Турцией армян.

Однако Столыпина эти объяснения не удовлетворили, и он, в связи с приездом в Петербург И. И. Воронцова-Дашкова, затребовал от департамента полиции записку, в которой надлежало «отметить все вопросы, на которые в письме наместника ответов-

не заключается». Такая записка была составлена. В соответствии с распоряжением из нее было исключено все то, что касалось лично наместника или его супруги. Кроме этого, директором департамента полиции было приказано тщательно избегать упоминания имени генерала Альфдана, дабы участие его «в доставлении материалов было замаскировано»³⁶. Из чего следует, что Альфтан действовал за спиной наместника.

Воронцов-Дашков действительно подавал не один повод к неудовольствию, подвергаясь нападкам как со стороны правых, так и левых.

Имя кавказского наместника было у всех на устах. По убеждению властей, «в центральном управлении Кавказом создалась удушливая и губительная для русского дела атмосфера». Пресса именовала Воронцова-Дашкова красным.

Своего рода ареной нападок на Воронцова-Дашкова, если не сказать больше, — травли, стала газета «Новое время» в лице популярного в то время ведущего сотрудника газеты М. О. Меньшикова.

«Сомнительным» назвал управление Воронцова-Дашкова на Кавказе М. В. Родзянко³⁷. «Весь Кавказ, вся Россия кричит уже лет 5–6 о ни к черту негодности наместника (Воронцова). И государь его не смещает. Не решается, говорят, огорчить старого слугу. Теперь, конечно, закричит Дума, опять скандал» — это запись из дневника Л. А. Тихомирова, сделанная в мае 1908 г.³⁸ И уже в декабре последовал так называемый «кавказский запрос» в Государственную Думу.

«Кавказский запрос» был подан от крайне правых и назывался «По поводу террористических актов на Кавказе».

Здесь надо сделать небольшое отступление. Деятельность Государственной Думы, равно как и механизмы ее формирования, изучены достаточно обстоятельно. Отметим лишь следующее.

Воронцов-Дашков возглавил кавказскую администрацию, когда в империи зарождались буржуазно-демократические институты.

В процессе модернизации системы управления появился выборный орган законодательной власти. Хотя его законотворчество не распространялось на основные законы государства и любое решение могло быть отклонено Государственным Советом, появление Государственной Думы не могло не влиять на характер взаимодействия исполнительной, в том числе региональной, и законодательной властей. Главное же, впервые на парламентском уровне с общероссийской трибуны становилось возможным гласное обсуждение самых острых проблем национальной политики, с одной стороны, и защита очевидных промахов правительства — с другой. Представительство национальных окраин в Думе выявляло не только изъяны национальной политики, но сделало их достоянием широкой гласности. В этой связи можно говорить и о влиянии, которое оказывало создание парламента на развитие национального самосознания.

Указ 18 августа 1905 г. о созыве Государственной Думы отвечал программным задачам кавказского наместника, поскольку это открывало возможности не только для активизации общественных сил Кавказа на демократической основе, но и способствовало осознанию их сопричастности к общегосударственным начинаниям.

Однако изначально Воронцов-Дашков сталкивается с противодействием членов Особого совещания, занимавшегося разработкой положения о выборах. Председатель совещания Д. М. Сольский высказался категорически против проведения выборов на Кавказе, министр внутренних дел Булыгин, внесший представление о выборах на

Кавказе, напротив, настаивал на рассмотрении его представления. Против выступил и А. А. Половцов: «Я утверждаю, что в настоящее время, когда весь Кавказ охвачен революционным пламенем, не должно быть и речи об устройстве там выборов в Государственную Думу». Витте, «в душе своей согласный со мной, — записывает в своем дневнике Половцов, — не хочет делать неприятности Воронцову, предлагает потребовать от наместника дополнительных сведений, указав на многочисленные замечания, кои в это заседание сыплются от большинства членов»³⁹.

Решительная позиция Воронцова-Дашкова, выступившего с весьма сильной аргументацией — устранение населения Кавказа от выборов создало бы почву для усиления противоправительственной пропаганды, — убедила членов Особого совещания⁴⁰.

Выборы в Государственную Думу выявили правовые ограничения для инородческого населения. Действовали они опосредованно через конфессиональную принадлежность и степень владения государственным (русским) языком. Но для ряда этносов конфессиональный признак являлся этнодифференцирующим, а потому избирательные права для большой части жителей Кавказа (например, азербайджанцев, идентифицирующихся с мусульманами) имели дискриминационный характер. Последнее обстоятельство, как уже об этом говорилось, приводило к усилению межэтнической конфронтации, повышая оппозиционность инородцев по отношению к правительству.

Каков же был правовой статус национальных окраин в предстоящей избирательной кампании по выборам в 1-ю Государственную Думу?

Согласно Положению для губерний Царства Польского, Уральской и Тургайской областей, сибирских, Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, Кавказского наместничества, а также «кочевых инородцев», предполагалось проводить выборы по особым правилам⁴¹, что незамедлительно сказалось на их представительстве в 1-й Государственной Думе. В результате в ряде национальных районов депутаты были выбраны с большим опозданием и не участвовали в открытии 1-ой Думы, век которой был столь коротким. Всего от Кавказа предполагалось избрание 29 депутатов.

В 3-ю Государственную Думу было избрано 10 депутатов. Избрались они согласно новому избирательному закону 3 июня 1907 г., специально разработанному применительно к Кавказу⁴². Прежние правила о применении к губерниям и областям Кавказского края Положения о выборах в Государственную Думу от 2 февраля 1906 г.⁴³ повторяли общие положения закона о выборах в Государственную Думу: к имущественному и сословному признаку, лежавшему в основе избирательной системы, был добавлен национальный. Вводилась новая курия русских избирателей. Все русские избиратели Закавказья выделялись из трех курис — землевладельцев, крестьян и горожан (кроме рабочей курии) и образовывали «одну избирательную национальную единицу» для выбора одного депутата в Думу.

Кого же в данном случае относили к русскому населению? К ним причислялись лица русского происхождения — православные, старообрядцы и лютеране. В законе говорилось: «Ближайшее указание, кто именно относится к лицам русского происхождения, представляется Наместнику, распоряжение которого по этому поводу обжалованию не подлежит». И Воронцов-Дашков, боровшийся против разделения на курии — туземную и русскую, вынужден был дать следующее «разъяснение»: к русской курии относить всякое лицо не туземного происхождения, православного,

старообрядческого и лютеранского вероисповедания, в том числе — немцы, эсты, латыши, чехи, православные поляки и греки.

Кавказ представляли 10 депутатов. Спектр распределения их по фракциям выглядел следующим образом: от социал-демократической — 3, мусульманской — 2, по одному депутату от националистов, трудовиков, кадетов, прогрессистов и от русских — 1. Всего 10 депутатов.

Необходимо отметить, что ни один вопрос не достигал в 3-й Думе такого напряжения и накала, как вопрос национальный. Обсуждение его стало одним из основных факторов, повлиявших на позиции различных партий, характер борьбы между ними. Суть национальной проблемы сводилась к вопросу о судьбе империи, о «неделимости» России, ему подчинялись и служили все остальные внутриполитические проблемы, включая и аграрный вопрос⁴⁴. Пожалуй, из всех терминов, звучавших с трибуны 3-й Государственной Думы, наиболее часто повторяемым был термин «инородцы». Трактовка этого термина прошла длительную эволюцию, и в период существования Государственной Думы (1906–1917), когда правящая верхушка столкнулась с необходимостью заниматься проблемой национальностей, в официальных документах и публицистике утвердились различные варианты более широкого значения этого слова⁴⁵.

К началу работы 3-й Государственной Думы Воронцов-Дашков готовит «Всеподданнейшую записку по управлению Кавказским краем». Подписана она была 10 февраля 1907 г., 1-я сессия начала свои заседания 1 ноября 1907 г. Но еще до начала работы Думы основные узловые проблемы из «Всеподданнейшей записки» были вынесены на обсуждение Совета министров (10 и 17 июля 1907 г.). Но, как всегда, решение о принятии предложенных Воронцовым мер было отложено для дальнейшей законодательной разработки с весьма оптимистическим пожеланием Николая II: «Надеюсь, что возбужденные наместником вопросы получат свое разрешение»⁴⁶.

«Кавказский запрос» получил большой резонанс и, вопреки намерениям его авторов, вышел за рамки обозначенной темы. Дебаты по запросу приняли бурный характер. По существу, обсуждаемой темой стала проблема России и Кавказа в процессе их взаимодействия и анализ глубинных причин положения, сложившегося на Кавказе. Правые просчитались — целью их «расправы» должен был стать Воронцов-Дашков, но дискуссия обнажила все негативные стороны управления Кавказом центральной властью, и потому обсуждение запроса можно трактовать как проблему: кавказский наместник и законодательная власть. По мнению автора «Всеподданнейшей записки», Государственной Думе надлежало бы «направить свои законодательные работы в плодотворную сторону проведения в жизнь начал правового порядка, провозглашенных с высоты Престола». Однако слова, предварявшие это мнение — «хотелось бы верить», выражали его неуверенность в способности Думы сделать это.

Лишь спустя два года после вступления в должность главы кавказской администрации Воронцов-Дашков почел возможным изложить свое видение происходившего на Кавказе. Трудно представить себе какой-либо другой документ, содержащий столь скрупулезный анализ всех аспектов жизнедеятельности народов Кавказа, с одной стороны, и поведения власти, с другой. «Всеподданнейшая записка» может быть названа энциклопедией Кавказа и противопоставлена любому исследованию как по своей информативности, так и степени обобщения, выводам и конкретно поставленным задачам программного значения по устройству Кавказского края.

Для вынесения запроса на заседание Думы была создана депутатская комиссия.

Обсуждение запроса приняло бурный характер — дебаты продолжались в течение пяти заседаний: 10 декабря 1908 г., 21 и 28 января, 4 и 5 февраля 1909 г. Всего в прениях выступили 25 человек, и в их числе все кавказские депутаты. Наместника в Государственной Думе представлял статс-секретарь барон Э. Ю. Нольде, на которого была законодательно возложена обязанность заменять наместника на заседаниях высших органов⁴⁷. В его петербургской канцелярии было образовано особое кавказское отделение, где сосредотачивалась вся переписка Воронцова-Дашкова с министерством, а также представления важнейших кавказских дел на решение государя⁴⁸. Резкой критике подверглись практически все аспекты деятельности Воронцова-Дашкова.

Между тем, дискуссия обнажила истинное положение Кавказа. Не было ни одной сферы жизнедеятельности населения края, которые не были бы поражены кризисом. Все слои населения, независимо от сословно-социального статуса, этнической и религиозной принадлежности оказались вовлечеными в то или иное протестное движение, борьбу за свои права. Отсюда и масштабность обрушившихся проблем: сепаратизм и революционное движение, межэтнические столкновения и террористические акты, переселенческий вопрос^{*} и положение коренного крестьянства, дискrimинация мусульман, народное образование, система управления и лихоимство администрации, городское самоуправление и судебная система и т. д.

Тон обсуждению был задан эпатажным выступлением В. М. Пуришкевича. Ораторы не церемонились в выражениях. Пуришкевич позволял себе говорить о наместнике в оскорбительных тонах. Обстановка на заседаниях Думы накалялась настолько, что председательствовавшему приходилось неоднократно прерывать заседания, а раздававшиеся с ее трибуны возгласы требовал вычеркнуть из стенограммы, ибо их совестно было пускать в печать. Основные обвинения, выдвинутые Пуришкевичем, были направлены лично против Воронцова-Дашкова — о, якобы, его бездеятельности в борьбе с терроризмом и революционным движением. В этом случае у правых депутатов происходила подмена понятий. Как заявлял Тимошкин, на Кавказе речь шла не о революции, а о сепаратизме кавказцев, прежде всего армян и грузин, стремившихся создать самостоятельную кавказскую окраину. Можно сказать, что с трибуны Государственной Думы был дан ход вымыслу об «армянофильстве» кавказского наместника, начало которому было положено сразу же после восстановления прав армяно-грегорианской церкви. Касаясь межэтнических конфликтов, правые (неоднократно бравший слово Марков 2-й) видели их основу во «враждебности» идеалов мусульман и христиан, т. е. русских, проигнорировав при этом многократно звучавшую критику переселенческой политики правительства, размещавшего русских крестьян без учета колонизационных возможностей края, малоземелья местных крестьян. И, задаваясь вопросом, насколько кавказская администрация защищает интересы русских на Кавказе, борется ли она с сепаратизмом туземцев, с революционным движением — правыми был дан категорически отрицательный ответ.

* Постановка переселенческого дела на Кавказе не раз становилась предметом думских дебатов в 3-й Государственной Думе. «Кавказскому запросу» предшествовало обсуждение переселенческого вопроса на предыдущей, 1-й сессии. Рассмотрев заявление фракции «Союза 17 октября», Дума создала специальную переселенческую комиссию, в которую вошли четыре кавказских депутата, в том числе депутат от русского населения Ф. Ф. Тимошкин. После острых прений Дума поддержала Тимошкина, требовавшего заселять Закавказье не только переселенцами, проживающими на Кавказе, но и выходцами из Европейской России⁴⁹.

Выступления оппонентов против подобной точки зрения (социал-демократ Гегечкори, Чхеидзе, трудовик Сагателян) сводились к оглашению фактов, статистических данных, опровергавших утверждения правых. Происходившие события, по утверждению Чхеидзе, являлись лишь частью тенденций, имевших место во всей России, а сепаратизм — это не что иное, как протест против царившего везде произвола. В данном случае следует обратить внимание на совпадение ряда позиций, скажем, Чхеидзе и Воронцова-Дашкова, высказанные последним в его «Всеподданнейшей записке» 1907 г. и постоянно цитировавшиеся в процессе дискуссии, в частности, о системном характере явлений на Кавказе. Та же мысль прозвучала в выступлении депутата от кадетов Бардижа, заявившего, что такой запрос мог быть предъявлен не только к Кавказу, но и ко всем местностям России. В этой связи он обращает внимание на отсутствие «ораторов из центра», должных отвечать за те безобразия, о которых говорилось в Думе: «Центр молчит, боясь того же упрека по отношению к другим уголкам государства Российского».

Касаясь обвинений в сепаратизме армян и грузин, депутаты обращались к истокам взаимоотношений России и Кавказа, приводя факты, свидетельствовавшие о прорусской ориентации этих народов в различные исторические периоды.

Необходимо отметить, что выступления ряда депутатов были полны измышлениями в адрес кавказской администрации, но более всего — Воронцова-Дашкова. Так, Гегечкори договорился до того, что все акты насилия над женщинами совершались якобы по приказу наместника (?!).

Быть может, особенно бурно обсуждался вопрос о кавказской администрации — о ее злоупотреблениях и произволе говорили левые, в нерешительности упрекали правые. Как сказал в своем выступлении Милюков: «Авторы запроса доказывают, что кавказская администрация слишком мало вешает и немножко крадет». Бардиг спрашивало указал, что главная причина «беспредела администрации» — это отсутствие должных законодательных норм, которые «давали бы возможность дышать, трудиться и развиваться населению». Иначе никогда не будут устранены те безобразия, «пред которыми всякий добропорядочный человек должен краснеть, содрогаться, а не смеяться».

Итоговым по своему характеру было выступление лидера кадетской партии П. Н. Милюкова на заключительном заседании Думы по «кавказскому запросу». Коснувшись обсуждаемых вопросов, он говорил об их значимости, прежде всего, с точки зрения национальной политики на Кавказе. Интерес Милюкова к национальному вопросу сопровождал его на протяжении всей жизни: Польша, Финляндия, украинский вопрос. Автономия или федерация? Опыт национальных движений в России впоследствии укрепил Милюкова в уверенности в том, что изначально выдвигаемые представителями национальных движений требования федерализма переросли в отстаивание полной независимости, и одну из причин этого он видел в русском национализме⁵⁰.

В качестве черты, характеризующей национальную политику на Кавказе, Милюков приводит особенности управления краем в конце 90-х гг. кн. Г. С. Голицыным. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе вынашивал идею депортации туземного населения и замены его русскими. Ее ярыми приверженцами уже в начале XX в. стали крайне правые, заявившие устами Маркова 2-го: «Мелкие жизни должны стушеваться, пасть ниц или быть стертymi с лица земли». «Ни в одном

цивилизованном государстве, — отвечал Милюков, — ни одно уважающее себя правительство не позволит отождествить себя с одной из национальностей, населяющих империю, признав ее „нашей“, а всех остальных признавая „не нашими“.

Выступая за мощную и единую Россию, Милюков видел ее государством равноправных возможностей для каждого из его народов: «Государство выше отдельных национальностей, назовем его для избежания недоразумений не „русским“, а „российским“ и будем стремиться вместе <...> к созданию государственной „российской нации“, как существует нация французская, английская и т. д.»⁵¹. Он отвергал идею автономизации, федерализма, поскольку видел в этом потенциальную опасность в трансформации автономизации в сепаратизм, ведущий к распаду государства. Здесь можно говорить о тождественности взглядов Милюкова и Воронцова-Дашкова на российскую государственность. Кавказский наместник также ратовал за создание общей системы управления без каких-либо особых ущемляющих народы Кавказа положений, системы, которая учитывала бы национальную культуру и традиции. Однако в этом случае он выступал противником культурной автономии.

Милюков предостерегал депутатов от обсуждения локальных вопросов, заслоняющих вопрос «огромной важности, вопрос о нашей кавказской и вообще о нашей окраинной политике».

Соглашаясь с оценкой наместником причин, породивших события 1905–1907 гг., как части общих явлений в масштабах всей России, Милюков, тем не менее, считал, что «кавказское движение носило свою краевую окраску». Непонимание государственной властью кавказских особенностей и полное искоренение вековой культуры, поведение администрации, делавшей все, чтобы разорвать связи и нити, которые могли соединить ее с местным населением, привели к общерегиональному кризису. Она боролась против каждого намека на естественные законные стремления местного населения, тотчас же объявляя их сепаратистскими. В этой связи Милюков вновь обратился к отчету Воронцова-Дашкова, указавшего на то, что именно было основной причиной возникновения революционных настроений у армян, таким образом ответивших на конфискацию у них церковных имуществ. Под сепаратизм, продолжал Милюков, было подведено и законное культурное стремление кавказских национальностей.

Чрезвычайно важным представляется поддержка Милюковым решения Воронцова-Дашкова в нашумевшем назначении на должность кутаисского генерал-губернатора Старосельского. В условиях создавшейся в губернии анахии популярный среди жителей Старосельский, как это ни парадоксально, «явился представителем порядка, который не сумела водворить на Кавказе законная администрация». И понимание необходимости подобного решения Воронцова-Дашкова — единственno в тот момент возможного, дабы удержать хоть какой-нибудь порядок в крае — было продиктовано политическими принципами самого Милюкова. Будучи, как и Воронцов-Дашков, противником радикализма, он также предпочитал мудрый компромисс.

В резолюции, выдвинутой на усмотрение Государственной Думы, Милюков предложил совокупность мер по управлению краем, долженствующих обеспечить благосостояние населения Кавказа. «Кавказский запрос» Милюковым был отвергнут.

Дума отклонила заявление о запросе кавказскому наместнику — «а значит, и дела никакого нет» — прокомментировал с места депутат Розанов. Результатом острой дискуссии явилось принятие компромиссного заключения, и Дума перешла к своим очередным вопросам.

Однако «дело» все-таки случилось, и коснулось оно Пуришкевича. Его скандальное выступление состоялось 10 декабря 1908 г. на вечернем заседании Думы. Уже на следующий день директор канцелярии наместника Н. Л. Петерсон из стенографического отчета узнал о клеветнических обвинениях в коррумпированности кавказской администрации и, главным образом, в свой адрес. Он тут же обратился к Воронцову-Дашкову с просьбой довести до сведения государя о случившемся и ходатайствовать перед ним о начале расследования. Находя просьбу директора своей канцелярии заслуживающей уважения, кавказский наместник в тот же день телеграфировал Николаю II с просьбой удовлетворить жалобу Петерсона. Однако, согласно полученному от председателя Совета министров извещению, как писал Воронцов в своем всеподданнейшем докладе: «Вам, Государь, не благоугодно было соизволить на командирование для объясненной цели особого лица»⁵². Вследствие этого, по поручению наместника, было произведено подробное расследование. «Таким образом, — докладывал Воронцов Николаю II, — обвинение во взяточничестве <...> по адресу действительного статского советника Петерсона не подтверждается данными местного административного расследования и, на основании их, должно быть признано ложным, клеветническим»⁵³.

Поскольку Пуришкевич бросил свои обвинения «с высоты трибуны Государственной Думы, к голосу членов которой прислушивается вся Россия», — писал Петерсон в своем обращении к государю, то «действия Пуришкевича подходили под соответствующую статью Уложения о наказаниях, и он ходатайствовал о привлечении Пуришкевича к законной ответственности». Нужно сказать, подобное было не внове для Пуришкевича. В 1907 г. Пуришкевич, допустивший некорректные выражения в деловой переписке с московским генерал-губернатором В. Ф. Джунковским, был привлечен последним к судебной ответственности по статье об оскорблении должностного лица неприличными словами. Московский окружной суд приговорил Пуришкевича к 25 руб. штрафа⁵⁴. «Его Императорское Величество, удостоив жалобу Петерсона уважения», высочайше повелел направить ее в Первый департамент Государственного Совета вместе со всеподданнейшим докладом наместника.

Параллельно с этим, в самом начале конфликта, 19 декабря 1908 г., Воронцов-Дашков дал публичный ответ Пуришкевичу через «Правительственный вестник» (№ 276), впоследствии перепечатанный в газете «Кавказ» (Приложение к № 295). Кавказский наместник отвел обвинение по всем позициям, основанным на «неверных и ошибочных сведениях», постояв за честь ряда опытных администраторов края, в том числе и из прежней администрации. Однако, не ограничиваясь этим, 11 февраля 1909 г. он пишет Николаю II пространную и достаточно резкую докладную записку, содержание которой выходило за рамки разразившегося инцидента и позволяло судить о положении на Кавказе в целом.

В семье Воронцовых были возмущены поступком Пуришкевича, дочь Ирина называла его мерзавцем и писала отцу, что Пуришкевич оклеветал огульно всю кавказскую администрацию, и прав был Нольде, обвинивший его в клевете. «На заседании было много кавказцев, — продолжает Ирина Илларионовна, — и они все были в ярости <...>. По-моему, Пуришкевич довольно ясно открыл свои карты, от себя не посмел бы так говорить, ясно, что за спиной его кто-то скрывается»⁵⁵. Пуришкевич — одна из самых одиозных политических фигур того времени, и его выступление вполне могло быть продиктовано собственными воззрениями. Однако

стоит прислушаться к голосу члена семьи Воронцова-Дашкова, хорошо информированного о его делах. Кого же имела в виду его дочь? Уж не Столыпина ли?

Тогда же появляется любопытное сочинение: «Феклуша из Белой Арапии». Написанное в жанре сказания, оно в злой форме высмеивало Пуришкевича и поверивший ему петербургский свет.

Впоследствии Воронцов с долей известной горечи напишет, что на протяжении нескольких лет своей деятельности на посту наместника он неоднократно подвергался жестокой критике как со стороны представителей центрального правительства, так и со стороны общественного мнения — на страницах прессы и с кафедры Государственной Думы. «В общем, все нападки на мое управление сводились к указаниям на отличие моих приемов от практики, применяемой в других частях империи». Причина же тому лежала в своеобразии местных особенностей, на чем и зиждалась сама идея учреждения наместничества⁵⁶.

* * *

Одна из приоритетных задач в регионе заключалась в незамедлительном решении аграрных проблем, управлявшихся, прежде всего, в острое малоземелье местного крестьянства. Незавершенность крестьянских реформ на Кавказе усугублялась отсутствием в крае межевания. «Что крестьянские волнения связаны с экономическим и правовым положением крестьян, доказывается ясно тем, что наибольшее развитие они получили там, где надел у крестьян наименьший, а повинности наибольшие», — таков основной итог его размышлений о причинах крестьянского движения на Кавказе. Он выступал за «безотлагательное прекращение в крае последних проявлений крепостной зависимости сельского населения»⁵⁷.

Аграрная программа Воронцова-Дашкова реализовывалась в годы столыпинской аграрной реформы. Как известно, столыпинская реформа охватила главным образом те районы России, которые определялись законодательными нормами для крестьянского землевладения, основанного на земельно-правовых отношениях в общине, которые были характерны для губерний России с преобладающим русским крестьянским населением.

Что касается территории России с нерусским населением, где земельные отношения регулировались местными правовыми нормами, т. е. с отличными от русских аграрными отношениями (например, Средняя Азия и Казахстан, Кавказ), то здесь столыпинская реформа должна была проявиться главным образом своим другим аспектом. Если исходным в ней было разрушение общины, насаждение крестьянской земельной собственности, то другой своей стороной — полученным крестьянами правом свободного выхода из общины и возможностью легальной продажи надела — она расширяла масштабы переселения на окраины.

Разнообразие форм крестьянского землепользования на Кавказе — подворно-надельное, подворно-общинное,rudиментарные формы семейно-родовой общины, кочевая община с уже появившимися тенденциями к разложению — диктовали необходимость других законодательных установлений. А потому основные требования столыпинской реформы были неприемлемы для края. В данном случае значение столыпинской реформы заключалось в том, что, давая выход из общины крестьянам внутренних губерний России и всячески поощряя переселение их на окраины, она тем

самым приобщала районы края к сфере действия столыпинской аграрной политики, переселенчество становится одним из основных ее рычагов⁵⁸.

Стало быть, одним из приоритетных пунктов переселенческой политики правительства становилось создание колонизационного земельного фонда, и создавать его нужно было в крае с острым крестьянским малоземельем. Изначально этот процесс принял весьма болезненный характер.

Если, начиная с пореформенного времени, основными районами заселения служили территории Северного Кавказа, особенно с принятием закона 1899 г., официально разрешавшего переселение русских крестьян на Кавказ, то после столыпинской реформы основной зоной колонизации становится Закавказье (точнее, степные районы Восточного Закавказья).

Образование переселенческого земельного фонда происходило при вопиющем нарушении земельных прав местного крестьянства: имело место практически насильственное отторжение земель под переселенческие участки, с условием выдачи местным крестьянам компенсации, что, как правило, плохо выполнялось, с требованием освободить свои участки в ограниченный срок, зачастую без предоставления земли⁵⁹. Нет надобности говорить о том, что в подобной практике размещения переселенцев была заложена причина антагонизма, который возникал между местными и русскими крестьянами, волей властей также попадавшими в затруднительное положение. Коренные жители стремились всеми способами сохранить за собой принадлежавшие им земли, русские же крестьяне жаловались администрации на «стеснения, чинимые им со стороны прежних пользователей»⁶⁰.

Практикуемая система землеотводных работ для размещения переселенцев особенно сказывалась на положении кочевого крестьянства, что было обусловлено зыбкостью земельных прав на пастбища, испокон веков находившиеся в общинном пользовании. С присоединением края к России эти земли отошли в ведение казны, что породило несколько своеобразное к ним отношение со стороны администрации правительственные учреждений. Имел значение и факт отсутствия в сфере кочевого хозяйства надельного землевладения на пастбища. Поэтому эти земли считались как бы вненадельными и, следовательно, свободными. Как только заходила речь о создании колонизационного фонда, то уже не возникало никаких сомнений по поводу того, что именно эти земли должны были быть включены в колонизационный фонд в первую очередь. У правительства были широкие колонизационные планы, в том числе создание в степных пространствах Восточного Закавказья — основного ареала кочевого хозяйства — хлопковой базы на основе переселенческих хозяйств. Главным носителем этой идеи выступал начальник Главного управления землеустройства и земледелия А. В. Кривошеин.

Таким образом, аграрная программа на Кавказе имела две составляющие: одну — касавшуюся земельно-правового положения местного крестьянства, другую — связанную с размещением в крае русских переселенцев. Кавказскому наместнику предстояло решить одну из труднейших региональных проблем.

Прежде всего вставал вопрос о категории временнообязанных крестьян. Воронцов-Дашков обращал внимание Николая II на отсутствие со стороны правительства «заботливости» о нуждах крестьянского населения: за 35 лет (к 1907 г.) не было выработано ни одного законоположения, которое изменило бы к лучшему крестьянский быт.

Ликвидация временнообязанных и хизанских^{*} отношений в крае, передача наделов в собственность крестьянам — таково основное содержание предложенных кавказским наместником законопроектов 1905 и 1909 годов. Их примечательной особенностью являлись следующие позиции: в первом случае речь шла о безвозмездной передаче в собственность крестьянам земель, находившихся в их пользовании, во втором — о том, что ликвидация крепостничества в Закавказье должна была производиться за счет самих крестьян при содействии со стороны правительства посредством выдачи ссуды, которая должна была быть погашена выкупными платежами самих крестьян.

Параллельно продолжались попытки решить вопрос о землеустройстве государственных крестьян края, составлявших преобладающую часть его крестьянских жителей. Воронцов-Дашков ознакомился с существующими статистико-экономическими публикациями, обследованиями государственной деревни. В 1909 г. он выдвинул законопроект об изменении порядка землеустройства этой категории крестьян, согласно которому отводимые наделы предоставлялись крестьянам в частную собственность, что было решающим в условиях мелкого крестьянского землевладения. Таким образом, в проекте нашли свое отражение и установки столыпинской аграрной политики.

Значительно полнее они проявились в проекте и сопроводительной записке директора канцелярии кавказского наместника Н. Л. Петерсона (1912 г.) относительно поземельного устройства крестьян, водворенных на казенные земли. Представлены они были на созванном П. А. Столыпиным, по инициативе И. И. Воронцова-Дашкова, междуведомственном совещании по поводу поземельного устройства крестьян Кавказского края. Совещанию предстояло, прежде всего, обсудить проект кавказского наместника относительно выкупа закавказскими крестьянами своих земель.

В проекте прямо говорилось об образовании возможно большего числа личных собственников и ослаблении вредного влияния общинной формы. Однако реформа государственной деревни края, несмотря на значительное количество проектов, так и не обретших силу закона, не состоялась. И одна из основных причин заключалась в отсутствии в крае межевания, принявшего затяжной характер. По данным, приводимым Воронцовым-Дашковым (1909 г.), понадобилось бы еще примерно 87 лет, чтобы закончить размежевание и отвести наделы сельским обществам. Кроме этого, требовалось отделить землестроительные работы от межевых, разделив эти функции между разными ведомствами. Кавказскому наместнику удалось добиться этого, и в 1912 г. работы по размежеванию земель края были разделены на ограничительные, отнесенные к компетенции судебно-межевого ведомства, и землестроительные — находившиеся в ведении Главного управления землеустройства при Министерстве земледелия и государственных имуществ⁶¹.

Что же касается ликвидации временнообязанных отношений, то усилиями междуведомственного совещания удалось продвинуть проект наместника об обязательном выкупе крестьянами Закавказья своих земель у владельцев — в 1912 г. был издан утвержденный Государственной Думой закон, распространявшийся на частновладельческих крестьян 5 губерний края. Последовавшие в том же году законодательные

* Хизане (в переводе — «приютившиеся») — категория крестьян в Грузии.

акты касались обязательного выкупа своих наделов другими категориями частновладельческих крестьян остальных территорий Закавказья. Известие об этом Воронцов получил в Ново-Томниково, где он находился в связи с перенесенной болезнью. Он срочно телеграфировал в Тифлис: незамедлительно принять меры к реализации закона и объявить населению «с особою торжественностью с переводом на местные языки»⁶².

Предстояло решить проблему землеустройства еще одной категории государственных крестьян края — кочевников. Между тем, она занимала особое место в аграрной политике царизма в этом регионе, поскольку больше, чем какая-либо, отражала взаимосвязь двух основных компонентов аграрного вопроса в крае: земельного положения местного крестьянства и землеустройства русских переселенцев. Более того, она продемонстрировала подчиненность первого второму.

Воронцов-Дашков оказался на самом острье ситуации, которая выходила за региональные рамки, приобретая общегосударственное значение.

Но если прежде Кавказ еще мог выполнять роль резервуара для принятия переселенческого потока из внутренних губерний России, то уже к началу XX в. здесь очевидно аграрное перенаселение на всей территории края. Русские переселенцы на Северном Кавказе — так называемые «иногородние» — к этому времени стали испытывать земельный голод. Воронцов-Дашков считал неудавшимся предшествующий опыт колонизации Кавказа. Большинство крестьян из внутренних губерний оказалось неприспособленным к совершенно иным местным климатическим и хозяйственным условиям. Он принимает решение «закрыть» Северный Кавказ для крестьян из внутренних губерний и «открыть» для «иногородних» пределы Восточного Закавказья. В своем всеподданнейшем отчете за пятилетие управления краем Воронцов писал: «Этим я объяснял принятую мною меру закрытия края для выходцев из внутренних губерний и сосредоточения выбора колонизаторов исключительно из числа арендаторов — „иногородних“ Северного Кавказа, как людей, уже знакомых с условиями кавказской обстановки, доказавших свою предприимчивость переселением за свой собственный счет и страх и сумевших при посредстве аренды скопить известные средства для заведения самостоятельного хозяйства. Эта моя колонизационная программа подверглась жестоким нападениям с разных сторон до Государственной Думы включительно, причем в нередких случаях мне приписывалось прямо враждебное отношение к русской колонизации Кавказа. Обстоятельства показали, что я был прав. Колонизация „иногородними“ идет столь успешно, сколь это позволяют средства»⁶³. 3-я Государственная Дума (1-я сессия) так же, как и наместник, рассматривала переселенческое дело на Кавказе вкупе с вопросом о землеустройстве кочевого населения в степных районах Восточного Закавказья. Открыв шлагбаум для переселенческих потоков из внутренних губерний России, Дума вынесенный на ее усмотрение законопроект о землеустройстве кочевников принял лишь «во внимание»⁶⁴.

Таким образом, проблема землеустройства крестьян-кочевников Восточного Закавказья оставалась не решенной. Но поскольку широкие колонизационные задачи относительно его степных районов (создание здесь хлопковой базы) не требовали отлагательств, то правительство форсировало свои действия в этом направлении.

А. В. Кривошеин в 1913 г. в своем отношении к кавказскому наместнику изложил основные задачи программы по освоению основного степного района — Мугани:

1) принятие мер по ее орошению, равно и по отношению ко всем степным пространствам Восточного Закавказья; 2) скорейшее поземельное устройство кочевников; 3) предоставление орошенных земель под русское поселение. Однако в связи с тем, что конечным результатом должно было стать размещение русских переселенцев, то поземельное устройство кочевников Бакинской губернии рекомендовалось «подчинить доминирующей колонизационной задаче», а передача всех работ по землеустройству кочевников в ведение Переселенческого управления определяла приоритетную позицию в проекте Кривошеина. Но Главное управление землеустройства и земледелия, в ведении которого находилось Переселенческое управление, не могло обойти Совет кавказского наместника. И если обсуждение проекта Кривошеина в Переселенческом управлении прошло при полном одобрении, то Совет наместника занял исключительно негативную позицию. Воронцов-Дашков указал на несоответствие ряда положений проекта существующему законодательству и правилам землеотводных работ в крае. Главное же, как и прежде, в качестве приоритетной позиции он настаивал на землеустройстве местного крестьянства, после чего оставшиеся свободными излишки земель должны были быть представлены для размещения русских переселенцев.

Далее кавказский наместник категорически отвергал идею Кривошеина о передаче землестроительных работ в отношении кочевого крестьянства в ведение Переселенческого управления, ставя вопрос о землеустройстве кочевого крестьянства в общий контекст решения земельного положения всего крестьянства края. Вследствие этого Воронцов-Дашков, «признавая за устройством земельного быта кочевников большое государственное значение», связывал его решение с рассмотрением своего законоисследования о поземельном устройстве государственных крестьян края в целом. В результате обсуждений Совет кавказского наместника единогласно высказался против проекта Кривошеина. Проект Воронцова-Дашкова был вынесен на обсуждение Государственной Думы. Но... восторжествовала позиция центральных органов власти. Сыграла роль отставка И. И. Воронцова-Дашкова, в связи с болезнью покинувшего пост кавказского наместника. Сменивший его великий князь Николай Николаевич, не вникая в существование вопроса, целиком принял установки Министерства земледелия⁶⁵.

Рассматривая земельный вопрос, необходимо осветить еще один его аспект — права народов на свои недра. В этом случае следует обратить внимание на прецедент, который является наиболее презентативным для характеристики Воронцова-Дашкова, поскольку он высвечивал понимание им национального вопроса в условиях кавказских реалий.

В 1915 г. штаб-ротмистр Чеченского конного полка Тата Чермоев, состоявший в прошлом в Собственном его императорского величества конвое, а в будущем крупный нефтепромышленник (один из персонажей повести А. Толстого «Эмигранты») обратился к императору с ходатайством о подтверждении его прав на принадлежавшие ему земли. Однако эта, казалось бы, частная просьба, по существу, касалась коренных вопросов земельных прав чеченского народа, а потому инициировала внимание представителей высших звеньев власти, самого императора, и могла быть решена лишь на уровне общезаконодательных установлений.

Земельные права горцев регулировались местными обычаями, притом дифференцированно для проживавших на равнинной территории Терской области, включавшей основную часть Чечни, и на нагорной. «Познавать» особенности чеченского

социума России приходилось в ходе Кавказской войны, а также в процессе приобщения кавказского региона к империи. Признание за горцами издавна принадлежавшего им права собственности на земли, или пользование ими, было неоднократно подтверждено правительенной властью. Это — прокламации кавказского наместника кн. М. С. Воронцова (1845 г.), командующего войсками Кубанской области гр. Н. И. Евдокимова (1862 г.), главное же, фельдмаршала А. И. Барятинского (1860 г.). Все перечисленные документы признавали право собственности горцев на земли, находившиеся в их фактическом владении. Однако в условиях отсутствия специальных законодательных актов в правительенных кругах все более укреплялось мнение о принадлежности казне, т. е. государству, всех земель Терской области, жители которой лишь получили их в постоянное пользование.

В условиях начавшегося в 10-х гг. XX столетия нефтяного бума сильно обострился интерес правительства к нефтегазовым землям. Горное ведомство торговли и промышленности щедро выдавало свидетельства на разработку нефтяных участков, как бы находившихся в ведении казны. Однако коренные жители считали себя вправе распоряжаться принадлежащими им землями и, следовательно, сдавать их в аренду под нефтяные разработки. Подобная двойственность порождала противоречия между ведомственными интересами и земельно-правовым статусом коренных жителей Кавказа. И в «противостоянии» центра и кавказского населения кавказский наместник принял сторону коренных жителей, и правительство в лице генерал-фельдмаршала кн. А. И. Барятинского выдало ему соответствующий документ законодательного характера⁶⁶.

В 1911 г. кавказский наместник гр. И. И. Воронцов-Дашков направил на рассмотрение законодательных учреждений законопроект о поземельном устройстве горского населения Терской области и Карабаха Кубанской области. Суть его состояла в закреплении за жителями земель, состоявших в бесспорном владении как сельских обществ, так и отдельных лиц. Воронцов-Дашков полагал решить земельно-правовой статус горцев также на основании частной (или общественной) собственности. Через два года (1913 г.) ареал законопроекта был расширен и включал поземельное устройство всего населения Кавказского края, живущего на казенных землях, но не приобретшего до того времени права земельной собственности.

Но законопроект Воронцова-Дашкова так и не вышел за пределы Государственной Думы.

* * *

В ряду выдвигаемых Воронцовым мер по экономическому развитию края особенное значение он придавал железнодорожному строительству. Ему принадлежала идея сооружения Перевальной железной дороги через Главный Кавказский хребет, которую он расценивал как жизненно важную коммуникацию между Кавказом и остальной Россией не только экономического, но политического и стратегического значения. Отдавший в свое время дань идеи строительства Великого Индийского пути, он в вопросе сооружения Перевальной дороги оперировал доводами, мотивирующими связь между этими двумя проектами. Николай II разделял высказанные Воронцовым соображения, и вопрос был пересмотрен Советом министров. Значение строительства Перевальной дороги возрастало в свете готовящейся войны. Воронцов вновь возвра-

щается к проекту постройки нефтепровода из Баку до Индийского океана. В 1884 г. обсуждение проекта было приостановлено из-за того, что Министерство иностранных дел опасалось разрыва отношений с Англией, заявившей протест. В 1911 г. Совет министров вновь вернулся к обсуждению нового варианта проекта⁶⁷.

В сфере внимания наместника как главнокомандующего войсками находились и вопросы внешнеполитической ситуации на южных рубежах России. Его наблюдения и соображения по поводу подготовки Турции и Ирана к войне полны тревоги за Россию, поскольку он видит слабые звенья в обороноспособности страны, в состоянии сосредоточенных на Кавказе войск. В многочисленных донесениях он с беспокойством сообщает об этом царю. В то время как турки принимают энергичные меры для своего усиления, пишет Воронцов-Дашков, «с нашей стороны, по-видимому, ничего не делается в этом направлении и в боевой подготовке войск округа имеют место недостатки, которые существовали десятки лет тому назад, и в случае наступательного движения со стороны Турции, мы окажемся на Кавказском театре войны, еще менее подготовленными, чем были на Дальнем Востоке». Записка эта датирована 1908 годом⁶⁸.

* * *

По мере утверждения России на Кавказе ей приходилось сталкиваться с проблемами управления краем, отличавшимся разнообразием моделей местных общественных структур, государственных образований. Адаптация сложившихся систем к российскому управлению, либо их коренная ломка — такова была дилемма, изначально встававшая перед правительством. Необходимо подчеркнуть, что поиски путей управления краем характеризуют правительенную политику на протяжении всей длительной истории взаимодействия России и Кавказа.

В пору известного «кавказского запроса» Воронцов-Дашков в письме к Николаю II высказал выстраданную им мысль: «Кавказ — это величина совершенно особого рода». Мысль, которая легла в основу его деятельности на посту главы кавказской администрации.

Исполняя волю Николая II — выяснить, насколько необходимо сохранение особых кавказского наместничества, — И. И. Воронцов отвечает утвердительно: «Я не допускаю возможности управления Кавказом из центра на основании общих формул, без напряженного внимания к нуждам и потребностям местного населения, разнообразного по вероисповеданиям, религиозным взглядам и преданиям, по племенному составу и политическому прошлому».

Воронцов-Дашков — противник прямолинейной централизованной политики центра, безапелляционно нивелировавшей региональные особенности.

В позиции Воронцова мы видим возврат к принципам регионализма первого кавказского наместника М. С. Воронцова. Отсутствие сильной внутрирегиональной власти, удаленность Кавказа от имперской столицы, незнание чиновничим Петербургом особенностей «далекой окраины» делали неконструктивным управление краем из центра, порождая опасную неразбериху.

Развивая свою мысль, Воронцов приводил веские аргументы: централизация на таком обширном пространстве, как Российская империя, не могла быть эффективной, ибо таила в себе опасность разобщения частей государства. Лучшим подтверж-

дением этого он считал потерю Англией североамериканских Соединенных Штатов, побудившую Великобританию в корне изменить свою колониальную политику и «внести в нее уважение к местному самоуправлению», сделав его более поливариантным в зависимости от своеобразия отдельных колоний.

Необходима такая местная власть, полагал кавказский наместник, которая, обладая в известной степени полномочиями министров, т. е. центральной правительственною власти, вместе с тем могла бы корректировать начала общегосударственной политики с учетом особенностей и потребностей края. Такой властью мог обладать лишь наместник императора. Низводить же власть наместника до уровня генерал-губернатора означало «ничего не сделать для насущных потребностей края».

Именно в сохранении Кавказского наместничества как формы управления видел Воронцов-Дашков «залог прочнейшего объединения Кавказа с остальной империей». Лишь в самом начале, попав на Кавказ в самый разгар охватившей регион дестабилизации, он выдвинул предложение создать на Кавказе, вместо наместничества, три генерал-губернаторства, но главы коих обладали бы чрезвычайными полномочиями. Дело рассматривалось в Совете министров, но, поскольку Николай II дорожил Воронцовым-Дашковым в качестве кавказского наместника, то его предложение не прошло⁶⁹.

Знание Кавказа убедило Воронцова-Дашкова в том, что наибольшая опасность таилась в межэтнических противоречиях и единственно сдерживающим началом могла быть только Россия, российская власть, без которой национальности Кавказа «сейчас бы вступили в кровопролитное соперничество»⁷⁰.

Интерес представляет его взгляд на прерогативы наместника, деятельность которого должна была быть поставлена в более тесную связь с центральным правительством, но оставляя бы возможность для принятия наместником, в случае необходимости, самостоятельного решения. В этой связи он полагал, что кавказский наместник, по своему положению являвшийся членом Совета министров, должен обладать правом замещать себя особым лицом. Напомним, что этот шаг был сделан им сразу же по назначении на должность наместника. Специальным указом в качестве представителя наместника на заседаниях высших государственных учреждений был назначен управляющий делами Комитета министров статс-секретарь барон Э. Ю. Нольде. Мотивировалось это тем, что непременное участие наместника в работе высших правительственныеых органов требовало его постоянного присутствия в столице, представительство же доверенного лица освобождало наместника от необходимости покидать беспокойный Кавказ.

С другой стороны, для осуществления обратной связи Воронцов полагал важным представительство чиновников всех правительственныеых ведомств в Совете при кавказском наместнике. В качестве таковых предлагались те чиновники, которые уже занимали достаточно высокие должности заведующих подразделениями отдельных министерств. Например, представитель Министерства народного просвещения мог быть в то же время попечителем учебного округа и т. п.

В данном случае необходимо остановиться еще на одной весьма важной идее Воронцова. Он считал целесообразным ввести в состав Совета при наместнике «общественные силы». Причем эта мера связывалась с учреждением на Кавказе земств. Каждое из уездных земских собраний, по его мнению, должно было делегировать по одному представителю и по два-три представителя направлялись от окружного закавказского земства.

* * *

Идея создания земств стала рассматриваться Воронцовым-Дашковым сразу же по приезде на Кавказ. Уже летом 1905 г. на заседании Совета наместника, к участию в котором были приглашены представители местных землевладельцев, буржуазии, крупнейших газет, он изложил основные принципы земской реформы в крае. Это было время подъема национального самосознания, различные слои общества испытывали потребность в создании всесословных представительных учреждений, и введение в крае земств как раз отвечало их чаяниям. 16 июля 1905 г. Воронцов-Дашков вновь созывает представителей всех сословий и городов, что положило начало широкой земской кампании в Закавказье. По распоряжению наместника «Земское положение» было опубликовано в местных газетах и переведено на местные языки.

За основу «Земского положения» было взято «Положение 1864 г.», но с учетом региональных особенностей. В отличие от внутренних губерний России, где земские учреждения охватывали целые губернии, в Закавказье предлагалось создать мелкую земскую единицу, состоящую из небольшого числа сельских обществ. Соответствующим образом выстраивалась и вертикаль земского самоуправления. Высшей земской инстанцией в крае должно было стать окружное земство с компетенцией губернских земских учреждений во внутренних губерниях России, с представительством гласных от каждого уезда. Воронцов-Дашков ввел в свой проект положение, на котором он настаивал еще при обсуждении земской реформы 80-х годов: необходимость строгого административного надзора за земскими учреждениями, и в Закавказье он должен был бы осуществляться на всех уровнях (уездный начальник, губернатор, член Совета наместника). Помимо этого должны были быть созданы особые коллегиальные учреждения по земским делам, а протесты на постановления земских учреждений подлежали рассмотрению в Совете наместника. Однако революционные события отодвинули реализацию земской реформы. Лишь в 1909 г. Государственная Дума приняла решение о введении на Кавказе земства. Тем не менее, земское самоуправление на Кавказе практически так и не было введено⁷¹. Хотя преемник Воронцова-Дашкова на посту наместника, великий князь Николай Николаевич, попытался вернуться к вопросу о введении земств на Кавказе.

26 апреля 1916 г. было созвано краевое совещание. Однако в ходе обсуждения между его участниками обозначились коренные разногласия сословно-корпоративного характера. На совещании образовался блок между грузинами и азербайджанцами против армянского меньшинства; к этим группам примкнули почти все русские члены совещания⁷². Дело же заключалось в разных корпоративных статусах грузинского, армянского и азербайджанского дворянства. Опорным документом для кодификации сословных прав грузинского дворянства служила одна из статей Георгиевского трактата 1783 г., и в дальнейшем утверждение в российском княжеско-дворянском достоинстве производилось специальными комиссиями. Иным образом обстояло дело с привилегированным сословием в пределах Северного Азербайджана и Восточной Армении, корпоративные права которого не были кодифицированы, а в значительной степени регулировались нормами обычного права. Признание их сословных прав решалось в связи с признанием их прав как землевладельцев, что, как уже упоминалось, диктовалось особенностями отношений, зиждившихся на мусульманском праве. Отсутствиеенной документальной базы сильно затянуло решение

вопроса⁷³. Между тем азербайджанский нобилитет, сословными правами которого занимались т. н. бекские комиссии, надеялся получить в ближайшее время признание их корпоративных прав. Следовательно, в случае введения сословного земства армяне, удельный вес дворянства среди которых не был столь значительным, лишились возможности участия в земской деятельности. Ситуация таила в себе возможность межэтнической конфронтации. Но дело близилось к 1917 г.

Оценивая задуманную Воронцовым модель управления, предусматривавшую централизацию административной системы, необходимо отметить ее основную особенность: сочетание внутрирегиональной централизации и ее ведомственной связи с правительственные учреждениями через представительство в составе совета — высшего при наместнике органа кавказской администрации.

Главная же идея — введение земского представительства на выборной основе в тот же совет — дает некоторые основания предположить возможность последующей его трансформации в некий представительный орган наподобие сеймов. Ибо именно с привлечением местного представительства связывал кавказский наместник усиление законодательных функций совета, а следовательно, управлеченческой вертикали на Кавказе, что обеспечивало достаточную в условиях империи автономию в управлении краем.

Воронцову принадлежало авторство ряда других интересных предложений по реорганизации некоторых механизмов системы управления.

В области организации местного управления Воронцов обратил внимание на отсутствие единства в системе управления, сочетании гражданской и военно-народной формы. Военно-народная система, возникшая в период Кавказской войны и характеризующаяся концентрацией административной власти в руках военного командования (внутренняя жизнь регулировалась нормами обычного права), уже не отвечала требованиям мирного времени. Тем более что изменилось и само содержание военно-народного управления, соответствовавшего по своим функциям обычным губернским и уездным управлению. Однако возникший сразу же по ликвидации кавказского наместничества (1883 г.) вопрос об упразднении этой формы управления так и остался в стадии разработок.

Между тем, Воронцов-Дашков настоятельно рекомендовал заменить ее общей для России системой губернского управления. Точно так же он считал необходимым сделать более унифицированной и схожей с общим управлением внутренних губерний России административную систему в остальных частях Кавказа.

Ликвидация военно-народного управления должна была повлечь за собой реорганизацию судебной системы. Принципиальным для наместничества было выведение суда из сферы влияния административной власти, а это связывалось с распространением на край указа от 12 декабря 1904 г., обязывавшего строго соблюдать в судоустройстве внутренних губерний России принцип разделения административной и судебной властей. В соответствии с проектируемым для российского суда статусом мирового судьи в качестве первой судебной инстанции, Воронцов полагал необходимым введение подобной же формы суда и на тех территориях, которые состояли еще в ведении военно-народного управления.

Здесь важно обратить внимание на стремление Воронцова приблизить административно-судебную систему к европейским нормам. И в данном случае Воронцов, учитывая местные особенности, предлагает ввести при мировых судьях институт выборных от населения, иначе говоря, присяжных поверенных. Подобная судебная

реформа, по мнению наместника, должна была быть проведена вообще на Кавказе, начиная с низших звеньев — сельских судов и мировых судей. «Участие в суде представителей населения, — писал Воронцов-Дашков, — признано совершенно необходимым, как действительно обеспечивающее правосудие».

* * *

В кавказских реалиях постоянной величиной оставались межэтнические противоречия, могущие по любому поводу вылиться в кровавые межэтнические конфликты. Кавказскому наместнику приходилось быть начеку. Опасность могла таиться не только в неверных действиях властей, но и в необдуманно брошенном слове.

Местная печать, прессы изобиловали различного рода сочинениями, пытавшимися ответить на вопрос: «Причины неурядиц на Кавказе».

Находясь летом 1913 г. в Ново-Том никово, Воронцов-Дашков, просматривая кавказскую прессу, натолкнулся в газете «Голос Кавказа» на статью, с его точки зрения, «чисто провокационного характера». Он обращает внимание замещавшего его генерала Н. П. Шатилова на недопустимость подобных публикаций. Случилось это, как считал Воронцов, по вине исполняющего обязанность председателя тифлисского комитета по делам печати коллежского асессора Гроздова, который не привлек к ответственности редакцию газеты. Вместе с тем, Гроздов приказал наложить арест на газету «Закавказская речь» (№ 169) за статью, не содержавшую, на взгляд Воронцова, ничего предосудительного.

В этой корреспонденции была изложена точка зрения директора народных училищ Кутаисской губернии и мнение ее бывшего губернатора Ф. К. Гершельмана на действия дирекции и инспекторов народных училищ, «которые с усердием проводили свои консервативные меры». Как говорилось в корреспонденции, мнение Гершельмана еще раз подтверждало, что «нередко скверны не законы, а исполнители последних». Губернская администрация, вопреки кавказскому наместнику, дважды утверждавшему учебный план 1881 г. с учетом местных условий, не пожелала выполнять его указаний, опираясь на общие правила и выступая тем самым против системы управления краем. «Зная же взгляды е. и. в. наместника на Кавказе, — отмечал корреспондент, — мы вправе заявлять, что чиновники, не желающие знакомиться с условиями окраинной нашей жизни, не уважающие то население, среди которого находится им жить, и разжигающие здесь национальные страсти, служат антигосударственным задачам, являясь, таким образом, революционным элементом справа». Воронцов-Дашков делает пометки на полях газеты: «Для меня совершенно непонятно, почему за эту статью арестован № газеты. Мне необходимо знать, как администрация относится к моим преднаучертаниям, а знать это по официальным донесениям я не могу. Вопрос школы в Кутаисской губернии требует выяснения и я полагаю <...> при первом удобном случае подробно расследовать этот вопрос»⁷⁴.

Уроки межэтнических конфликтов требовали учета национального представительства в тех учреждениях, которые являлись аванпостом в экстремальных обстоятельствах. Так, по поручению кавказского наместника были доставлены сведения о числе стражников полицейской стражи Бакинской губернии, главное же — «о числе стражников по каждой национальности в отдельности». Полученные данные весьма примечательны, так как отражали палитру размещения этносов в Бакинской губернии.

Общее число стражников (1911 г.) достигало 733 человек. В полицейской страже служили: русские, азербайджанцы, армяне, грузины, немцы, поляки, горские евреи, лезгины, осетины, ингуши. Превалирующую часть составляли русские — более половины стражников, далее следовали азербайджанцы — менее четверти, армяне — менее $\frac{1}{10}$ части стражников⁷⁵.

Названная проблема имела еще одну сторону — связь, существовавшую между политической властью и местным населением. И, как следствие, в умах рождалось негативное восприятие роста представительства коренных жителей в личном составе органов правопорядка. Так, в 1912 г. живший в своем имении Боржоми великий князь Николай Михайлович (напомним, сын бывшего кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича) сообщал Николаю II о разбоях во всех частях Кавказа. Вот что он пишет императору: «Все больше стараются грабить поезда в надежде легкой денежной наживы, убивают как зайцев несчастных стражников, исполняющих свой долг, а кроме того запугивают население <...> Сами разбойники все больше имеретины и грузины, иногда лезгины и осетины, но, к сожалению, принимаемые меры не могут искоренить зла. Нужна жесткая рука высшей власти и реорганизация полицейской власти, представляющей всякий сброд. Кроме того, следовало бы изъять со службы в почтовых и телеграфных конторах всех туземцев, сообщающих разбойникам о количестве возимых денег и о времени отбытия почтовых перекладных. Вообще, по моему мнению, за последнее время наплыв туземцев всюду дает только плачевые результаты. То же замечается в некоторых войсковых частях, где туземцы (грузины, осетины и др.) составляют большинство офицерского состава. Я был и прежде, и теперь противником такого переполнения войск на самом Кавказе туземным элементом и считаю полезным восстановить процентные нормы и для грузин, и для армян»⁷⁶. И это — позиция человека, проводившего значительную часть своего времени на Кавказе (военная служба, досуг) и однажды написавшего отцу: «Лучше совсем покинуть Россию, чем расстаться с дорогим Кавказом»⁷⁷, но при этом рассматривавшего Кавказ сквозь призму династических великодержавных возврений. Приведенные им факты не могут быть поставлены в один ряд: в первом случае мы имеем дело с проявлениями социального протesta, во втором — сколь надежно могло быть поведение войск, используемых в для репрессивных мер.

Воронцов-Дашков придавал огромное значение личному общению, что должно было способствовать восстановлению доверия к власти и ее обещаниям. Он совершал поездки по Кавказу, и его обращения к жителям всегда имели адресную направленность. Административные чины готовили ему справки с описанием мест, которые ему предстояло посетить. В них содержались характеристики членов депутатий от того или иного народа, встречавших его по пути следования, «состояние умов». Например, в донесении генерал-майора Колюбакина содержались следующие дефиниции: «Городской голова Фролов не вполне твердый» (Терская область), «Пронин купец, надежный правый» (Владикавказ), «Огромное большинство станиц высказалось большую твердость во время революционной смуты» (Сунженский отдел), либо: «В декабре 1905 г. станицы (Пятигорский отдел), провинившиеся в большей или меньшей степени, в конце 1905 г. раскаялись и теперь настроены твердо», «слобожане (Терская область) в большинстве монархисты, во главе депутатии будут очень твердые и влиятельные „серые люди“ и т.п.»⁷⁸ Подобная осведомленность позволяла наместнику выбрать нужное направление в беседе.

В обращениях Воронцова-Дашкова к населению неизменно высказывалась мысль о том, что ему равно дороги все национальности Кавказа. В одном из черновиков, набросанных в первые месяцы его наместничества, были сформулированы приоритетные на тот момент задачи: «Представители многих частей населения Кавказа выразили уже свои пожелания, которые, в общем, весьма симпатичны. Для разработки отдельных вопросов края будут организованы возможно широкие подготовительные совещания, и общественные силы должны будут откликнуться на призыв к участию в предстоящих трудах и дать людей совета, обладающих знанием края и деловитостью. Необходимое условие успеха работ и вообще мирного и спокойного преусердия общественной жизни составляет, однако, законный порядок, охранение полной силы закона, причем всякая частная собственность должна быть ограждена от незаконного посягательства, тем более от населения, нарушенное же право должно быть восстановлено. К сожалению, в последнее время на Кавказе произошли нежелательные осложнения, которые возможно скорее должны быть исправлены. Охранение и восстановление порядка при участии самого населения свидетельствует о культурности населения — и вот первая задача общественным силам Кавказа: восстановить спокойствие, чтобы приступить к созидающей работе»⁷⁹.

В разгар крестьянских выступлений Воронцов-Дашков пригласил к себе в Тифлис представителей от каждого из народов, дабы в неофициальной обстановке, в личной беседе ознакомиться с их требованиями. Князю Амилахвари, человеку авторитетному и широко известному в Закавказье, было поручено совершить поездку по Грузии, наиболее охваченной крестьянским движением, чтобы уговорить крестьян выделить делегатов. Встреча депутатий во дворце кавказского наместника была организована с необычайной пышностью, ее «церемониал» должен был свидетельствовать об уважении власти к чаяниям народа. Делегатов встречали хлебом-солью и бокалом вина. Были учтены национальные особенности каждой из депутатий — им, по указанию наместника, подавались соответствующие их традициям блюда и напитки. Наместник вышел в сопровождении свиты, и, как вспоминал мемуарист: «Одна внешность графа — царственная и импонирующая, уже привыкла к себе сердца делегатов. Все вместе взятое производило такое впечатление, что они совершенно забывали заученные заблаговременно на местах революционные фразы и отдавались во власть бесхитростных крестьянских порывов»⁸⁰. Если учесть, что делегаты были одеты в свои национальные костюмы, то все это вместе являло собой зрелище весьма красочное.

Воронцовым-Дашковым были установлены приемные дни, когда он лично принимал посетителей, как объявлялось в «Кавказском календаре»: «просителей по четвергам, в 2^{1/2} часа дня, представлявшихся по службе по субботам в 2^{1/2} часа дня». И эта доступность главы администрации, олицетворявшего верховную власть, внушала надежду на то, что челябинская будет услышана.

Касаясь личного поведения кавказского наместника, необходимо отметить, что он отказался от своего жалованья (около 45 тыс. руб.), и оно шло в пользу бедных.

* * *

В 1908 г. на Кавказе с большой помпезностью отмечалось 50-летие служебной деятельности наместника кавказского гр. И. И. Воронцова-Дашкова. В Высочайшем рескрипте на его имя было сказано: «Я обратился к Вашей испытанной верности, назначив вас, как одного из деятельных участников покорения Кавказа на <...> должность моего наместника в этом крае. Я уверен, что прямодушный образ ваших действий, имеющий единственную целью благо Отечества, по достоинству оценен кавказским населением». И в конце — приписка рукой Николая II: «искренне уважающий вас». Воронцову-Дашкову пожалованы «для ношения на груди» осыпанные бриллиантами портреты Александра III и Николая II⁸¹.

В следующем 1909 г. Воронцов вновь — в центре юбилейных событий: отмечается 50-летие взятия Гуниба, и к нему, как участнику Кавказской войны, вновь обращены многочисленные посвящения, адреса. В его честь слагаются гимны, сочиняются марши, посвященные «кавказскому герою»: «Гуниб», «Рысь», «Скорый марш» и др.⁸² Из адресованных ему в дни юбилейных торжеств многочисленных стихов, в большинстве своем весьма бесхитростных, но с заявкой на традиционную оду, следует процитировать строки из посвящения «Орел Кавказа», весьма выразительные по своей сути:

Ты славный путь свершил в течение полвека,
Твоих заслуг не перечесть,
И в каждом ближнем видя человека,
Ты презирал лишь ложь и лесть.
Всегда, как рыцарь, был великодушен,
И за коварство злой не платил.
Велению души своей прямой послужен
Ты только побеждал и... победил⁸³.

25 августа на высотах Гуниба собирались войсковые части Кавказского военного округа, в том числе участвовавшие в штурме. Здесь же присутствовали почетные представители мусульманских обществ от Дагестана и Чечни. Кавказский наместник обратился к ним с приветствием, в котором подчеркнул их преданность России, чем они «заслужили полное к себе доверие нашего могущественного царя. Великий государь наш, равно заботящийся о всех подданных, уверен, что население Чечни и Дагестана впредь и всегда будет Ему служить честно и преданно, как служили уже в минувшие 50 лет. Желаю всем вашим обществам дальнейшего мирного процветания и благоденствия на пользу Вашу и во славу всем нам дорогой России».

В адресованной государю императору телеграмме кавказского наместника говорилось о знаменательности 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа, «положившего начало мирному преуспению населения Чечни и Дагестана». Собравшиеся участники этого события «всеподданнейше повергают, — доносил Воронцов-Дашков, — вместе со мною перед Вашим Императорским Величеством чувства беспредельной любви и той беззаветной преданности, с которыми служили их отцы и деды в доблестных рядах Кавказской армии, и которые они завещали своим сынам и внукам. Могучее „ура“ войск, которому вторят находящиеся здесь многочисленные представители населения Чечни и Дагестана, — разносится с Гуниба по ущельям гор во славу Вашу, Государь, Наследника Цесаревича и всего Августейшего Дома». Кавказский наместник считал необходимым поздравить еще одного участника этого

события — великого князя Михаила Николаевича как «своего старого любимого главнокомандующего и как завершителя всей кровавой и долгой Кавказской войны». Но наиболее высокие слова Воронцова были обращены в приказе войскам Кавказского военного округа об исторической роли русского солдата, несущего «духовные блага мира, спокойствие жизни, преуспеяния и процветания народов», о его самопожертвовании и моши⁸⁴.

Произнесены все слова, приличествующие юбилею, трагический смысл Кавказской войны постигнут лишь в свете подвига русского солдата, исполнившего свою историческую миссию. Для народов Чечни и Дагестана главным итогом войны должна была стать полученная возможность для мирного развития под эгидой России. Мысль эта будет еще раз высказана Воронцовым-Дашковым во «Всеподданнейшем отчете» 1913 г.

В 1913 г., в связи с трехсотлетием дома Романовых, Воронцов-Дашков получает царский рескрипты с воздаянием всех его заслуг и осыпанный бриллиантами тройной портрет: деда, отца и самого Николая II⁸⁵.

Не пройдет и года, как Воронцову-Дашкову придется стать свидетелем Первой мировой войны — это уже пятая по счету война в его жизни.

Начало войны застало Воронцова-Дашкова в Ново-Том никово. Летом 1914 г. ухудшилась политическая обстановка на Кавказе, в Баку и Тифлисе начался всплеск стачечного движения. Телеграммы сообщали о забастовке на нефтяных промыслах, принадлежавших самому Воронцову-Дашкову. В Баку с особыми полномочиями прибывает помощник министра внутренних дел генерал свиты е. и. в. генерал-майор В. Ф. Джунковский. Он телеграфировал в Ново-Том никово, что управляющий промыслами Воронцова не подчинился приказу Джунковского, призвавшего рабочих восстановить работы на прежних условиях зарплаты. Воронцов рекомендовал Джунковскому «рассматривать» его управляющего «как всякого нарушителя Ваших распоряжений»⁸⁶.

С начала войны Воронцов-Дашков был назначен главнокомандующим Кавказской армией. Однако его физическое состояние ухудшалось, хотя он еще хорошо держался в седле (об этом свидетельствует фотография тех лет).

В ноябре 1914 г. Николай II совершает путешествие по Кавказу. Кавказский наместник был серьезно болен и не смог принять участие в официальной встрече императора во время его приезда в Тифлис. Перед отбытием с Кавказа Николай II послал наместнику телеграмму: «Покидая пределы Кавказа, я уношу самые добрые впечатления о войсках и светлые воспоминания о горячем проявлении преданности и любви всеми слоями населения. Сердечно благодарю Вас, граф Илларион Иванович, и прошу передать мою благодарность доблестной кавказской армии, начальствующим лицам и разноплеменным народностям вверенного Вам округа»⁸⁷.

* * *

Война приобретала все более неблагоприятный для России оборот. Отступление на фронтах не прекращалось. Ставка не контролировала ситуацию. Тем временем на Кавказе развивалась наступательная операция. Войска продвигались на территорию, заселенную армянами. Члены правительства видели в этом проявление проармянских симпатий кавказского наместника, желание создать Великую Армению. Используя

трибуну Государственной Думы — традиционное место нападок на кавказского наместника — глава меньшевистской фракции, депутат от Тифлисской губернии Н. С. Чхеидзе с особенным усердием раздувал эту историю. Вопрос обсуждался на секретной части заседаний Совета министров. По установившемуся обыкновению, заседание 4 августа также открывалось сообщением военного министра А. А. Поливанова о положении на театре военных действий. «Спасительной» темой обсуждения вновь становится продвижение Кавказской армии внутрь Турции. Вновь всплыла излюбленная сплетня об армянофильстве Воронцовой-Дашковой, ее влиянии на наместника. Выступавшие ссылались на Чхеидзе, который во время перерыва в Думе кричал, что «Кавказской армией командует не верховный главнокомандующий и не наместник, а графиня Воронцова-Дашкова, опутанная армянскими сетями». В ответ Поливанов сообщил присутствующим, что накануне имел случай говорить с государем «о кавказском движении и возможных печальных его последствиях, причем отметил, что собирание Земли Армянской составляет, по-видимому, основное стремление графа Воронцова-Дашкова. На этих словах государь император, ласково улыбнувшись, соизволил поправить меня: *не графа, а графини*⁸⁸. Укоренившийся стереотип не мог быть преодолен элементарным желанием вникнуть в суть дела. Опасность сепаратизма на Кавказе в России могла быть предотвращена восстановлением исторически сложившейся прорусской ориентации армянского народа. Если участие России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. было продиктовано соображениями исключительно славянофильского характера, вне которых оставались собственно национальные интересы, то в данном случае Воронцовыми-Дашковыми руководили интересы сугубо государственного значения. Другое дело, что ход событий, поражение России в мировой войне не подкрепили возможность реализации задуманного, при том, что речь не шла о создании Великой Армении. После успешно проведенной Сарыкамышской операции Кавказская армия получила приказ перейти в наступление в районе озер Ван и Урмия, чтобы обеспечить усилия русской дипломатии, направленные на сохранение российского влияния в Иране и Афганистане — Германия всячески побуждала эти страны к выступлению против России и Англии. В результате Алашкерской операции в июле-августе 1915 г., проведенной основными силами Кавказской армии, турецкие войска вынуждены были отступить, чем был сорван план турок прорвать фронт Кавказской армии в направлении на Карс⁸⁹.

В создавшейся ситуации Николай II принимает решение стать во главе российских войск, о чем он немедленно уведомляет кавказского наместника. 10 августа 1915 г. он направляет в Боржоми, где тогда находился Воронцов-Дашков, шифрованную телеграмму: «Послал вам Дмитрия Шереметева с письмом. Считаю нужным предупредить вас, что я решил взять руководство действиями наших армий на себя. Поэтому в.[еликий] к.[нязь] Николай Николаевич будет освобожден от командования армиями с назначением на ваше место. Уверен, что вы поймете серьезность причин, которые заставляют меня прибегнуть к столь важной перемене. Николай»⁹⁰.

Содержание письма таково: «Граф Илларион Иванович. Незабвенной памяти державный родитель мой, в свое время оценил Ваши выдающиеся душевые качества и Вы были им призваны к занятию положения близкого и доверенного лица. — Вы достойно оправдали его монаршее доверие, служа престолу и отечеству с неукоснительной прямотой, честностью и усердием, столь необходимыми государям, в деле их трудного служения. — Я лично глубоко и сердечно признателен Вам, как за Вашу

прошлую, так и за настоящую деятельность, проявляющуюся в неустанной отзывчивости ко всему тому, что может быть полезным для возлюбленного нами отечества. — Считаю наиприятнейшей обязанностью Вам это высказать, равно как и искреннее пожелание и надежду — о сохранении Вас еще на многие лета, как одного из вернейших и надежнейших слуг царю и отечеству⁹¹.

Воронцов-Дашков тут же отвечает ему: «С чувством глубокой благодарности прочел я <...> письмо дорогого моего государя, оно дает мне право со спокойною совестью прожить остаток дней моих. Не могу при этом не повторить много раз мною сказанное, что без поддержки и доверия ко мне Вашего Величества я бы не смог быть Вам полезным». Письмо не выявляет истинного настроения Воронцова, достаточно болезненно перенесшего известие об отставке. Как и в случае с отстранением от должности министра двора, решение государя было принято неожиданно для Воронцова, хотя Воронцов сам неоднократно, в связи с ухудшением здоровья, просил об отставке.

Тем не менее, Воронцов просит у государя разрешения поделиться своими размышлениями, возникшими в связи с полученной шифровкой, т. е. о желании Николая II стать во главе армии. В интересах управления обширным Российским государством необходимо, чтобы армия под начальством государя была бы победоносной, полагал Воронцов. И далее он произносит воистину пророческие слова: «Неуспех отразился бы пагубно на дальнейшем царствовании». Вряд ли возможно было скорое исправление ошибок, допущенных существующим командованием. Вместе с тем Воронцов-Дашков высказал сомнение — примет ли Николай Николаевич новое место: «разжалование из попов в дьяконы» могло сильно затронуть его самолюбие. Здесь Воронцов-Дашков ошибся: великий князь принял это назначение, а Воронцов-Дашков получил разрешение Николая II встретить Николая Николаевича не в Тифлисе, а у границ Кавказа в Ростове-на-Дону⁹², а кавказской администрации Воронцов всячески рекомендовал великого князя.

Это было последнее письмо Воронцова-Дашкова Николаю II, равно как и данный ему совет умудренного опытом сановника, который знал государя императора с младенческих лет. Но он еще успеет послать ему новогоднюю телеграмму в связи с наступающим новым 1916 годом: «Не с обычным новогодним пожеланием счастья и благополучия подхожу я сегодня к Вашему Величеству, а молитвенно желаю, чтобы в шестнадцатом году Вы, стоящий во главе Русского народа, беззаветно сражающиеся за правду, увидали бы исполнение Ваших задушевных пожеланий. Да хранит Вас Господь на счастье Родины и во славу Вашего победоносного воинства»⁹³.

Кавалер всех российских орденов, и в их числе ордена Св. Андрея Первозванного, 78-летний Воронцов-Дашков получает свой последний орден — Георгия 3-й степени. Но он убежден, что должен разделить эту награду со своими соратниками по Кавказской армии, и обращается к ним со словами благодарности: «Горячее и сердечное спасибо Вам, заслужившим мне высокую воинскую награду своими подвигами в борьбе с врагом и самой природой» (Приказ главнокомандующего Кавказской армией № 644 23 августа 1915)⁹⁴.

16 сентября 1915 г. был отдан последний приказ кавказского наместника, в котором он как бы подводил итоги своей деятельности на оставляемом посту. «Свыше десяти лет назад, — говорилось в приказе, — вступая в управление Кавказским краем в смутное время общественных настроений, я <...> выразил уверенность в вернопод-

данности кавказцев <...>. Эта надежда меня не обманула. На мое доверие к населению Кавказа оно откликнулось доверием ко мне. Благодаря этому, мне удалось довольно скоро достичнуть полного успокоения края». Перечисляя задачи, им поставленные, он с сожалением вынужден был отметить, что не все труды его были выполнены, главным образом вследствие начавшейся тяжелой войны. Теперь же, «покидая с душевным сожалением дорогой мне Кавказ, я чувствую потребность обратиться ко всем народностям и всем слоям разноплеменного его населения с моим прощальным приветом»⁹⁵.

Его отъезд с Кавказа был поистине триумфальным. Служили молебны, на всем пути следования его встречали многочисленные депутатии.

О церемонии проводов кавказского наместника сообщали крупные российские и местные газеты: «Новое время», «Русское слово», «Кавказ», «Каспий», «Тифлисский листок» и др. Как отмечали газеты, особенное значение на Кавказе произвели прощальные слова Воронцова-Дашкова о том, что основой здоровой политики на Кавказе он полагает безусловное доверие к общественным силам и доброжелательное отношение ко всем народностям края, без различия национальностей и религии. И если в системе управления Воронцова-Дашкова, несомненно, были недостатки, как писал корреспондент газеты «Русское слово», то это были «недостатки скорее выполнения, чем замысла. Но нельзя не вспомнить без глубокой благодарности эту 10-летнюю эпоху культурности и доброжелательства в управлении Кавказом»⁹⁶.

Опыт деятельности Воронцова-Дашкова на посту кавказского наместника позволил Витте высказать весьма важные соображения, вытекавшие из его собственного понимания этноконфессиональной политики в Российской империи. Он оценивал Воронцова как государственного деятеля, единственно приемлемого в качестве главы местной администрации. В данном случае необходимо процитировать отведенные Воронцову страницы «Воспоминаний» Витте: «Служа на Кавказе с молодых лет, будучи там офицером, зная Кавказ того времени и то значение, которое имели в покорении Кавказа туземцы, он, конечно, не мог проводить ту узко-национальную политику, которая теперь в моде. Теперь на Кавказе происходит такое удивительное явление: Воронцов-Дашков состоит кавказским наместником <...>, во время его наместничества пришла так называемая наша революция. Смуты, которым подвержена ныне Россия, все происходили и происходят в то время, когда он был наместником, и я не могу не сказать, что, быть может, он единственный из сановников на всю Россию, который и в настоящее время находится в том крае, в котором управлял, и который пользуется всеобщим уважением и всеобщей симпатией. Смею думать, что тот начальник, который пользуется общим уважением всего населения, населения столь разнородного и многообразного, какое существует на Кавказе, несомненно, имеет такие достоинства, которые отличают его от других <...>. Это, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь убивали или в кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу как в коляске, так и верхом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда его не оскорбил ни словом, ни жестом. Граф Воронцов-Дашков, как и вообще все жители Кавказа, а в том числе и я, зная Кавказ с юности, или вернее сказать, с детства, понимает дух этого края и никогда не сможет забыть, что хотя Кавказ и покорен русскими солдатами, но громадное количество офицеров и начальников этих солдат были

туземцы. Я отлично помню то время, когда в каждом полку большая половина офицеров или начальников были местные туземцы, и эти туземцы — грузины, армяне, татары — в русских офицерских формах вели русского солдата на те бои, которые так прославили кавказскую армию». Вписавшие «блестящие страницы в военной русской истории», по прошествии нескольких десятков лет они оказались не нужными ни на военной, ни на государственной службе, и подобную политику Витте назвал крайне близорукой, «если не употребить более жесткое слово»⁹⁷.

Конец наместничества гр. И. И. Воронцова-Дашкова и его жизнедеятельности практически совпали. В последних числах ноября у него случился удар. В Алупку съехались дети. Из Мисхора привезли внуков — детей Иллариона Илларионовича. 15 января 1916 г. в час ночи Воронцов-Дашков тихо скончался в Алупке. Императрица Александра Федоровна телеграфировала Николаю II 15 января о кончине Воронцова: «Грустно, что старый Воронцов умер», и напишет в тот же день: «Бедная графиня Воронцова. Она будет тосковать по своему милому старому мужу»⁹⁸. В домовой церкви на Английской набережной была отслужена заупокойная литургия. Тело его было перевезено в любимое Ново-Томниково и погребено там.

В газетах появились сообщения о смерти Воронцова-Дашкова. И в одной из них отмечалось, что «лучшим венком на гробе Воронцова-Дашкова» является то «патриотическое единение, которым проникнуты все народы Кавказа, геройски защищая общую Родину — Россию не только на турецком, но и на австро-германском фронтах в войне 1914–1915 гг.». Память его была почтена в некрологах, панихидах и литургиях.

Следовало бы привести строки из некролога, помещенного в журнале «Вестник Европы», краткого по объему, но схватившего суть Воронцова-Дашкова как государственного деятеля. Предваряя некролог, его автор отметил, что граф И. И. Воронцов-Дашков «был слишком большим государственным человеком, чтобы его характеристику возможно было сделать в печатных словах». Касаясь кавказского периода деятельности Воронцова-Дашкова, автор выделяет его как наиболее важный в его деятельности, поднявший Воронцова-Дашкова «на высоту положения администратора». «На Кавказе все бурлило и кипело — говорилось в некрологе, — когда верховная власть вручила управление им царедворцу <...>. К графу Воронцову-Дашкову различные народности и люди разных политических взглядов относились различно. Он сумел заставить относиться к нему с уважением. В этом его главная заслуга. В уважении населения была его главная сила. Народности Кавказа его уважали как человека самостоятельного, независимого, никогда ни перед кем не оправдывавшегося». Таков главный урок кавказского наместника Воронцова-Дашкова⁹⁹.

1. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 874. Докладная записка заведующего полицией на Кавказе генерал-майора Ширинкина о революционных событиях на Кавказе. Л. 1–4 об.

2. Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову (1905–1915 гг.) // Красный архив. М.; Л., 1928. Т. 1(26). С. 102.

3. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 866. Л. 1–8.

4. Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. (Из переписки П. А. Столыпина с гр. И. И. Воронцовым-Дашковым) // Красный архив. М.; Л., 1929. Т. 3(34). С. 221.

5. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1218. Л. 21, 23, 27; Д. 862. Л. 1–2 об.

6. ОР РГБ. Ф. 58/1. К. 96. Д. 27. Л. 1–2; К. 97. Д. 12. Л. 45.

7. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 938. Л. 1–2.

8. ОР РГБ. Ф. 58/І. К. 2. № 19. Л. 7.
9. *Мирцхулава И. И.* Аграрно-крестьянский вопрос в Грузии в 1900–1921 гг. Тбилиси, 1978. С. 124–128, 132.
10. Константинов В. Николай II в 1905 году // Красный архив. М., 1925. Т. 4–5. С. 437.
11. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Государственная типография, 1907. С. 7.
12. Красный архив. Т. 26. С. 102.
13. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 863. Л. 1–2 об.
14. Там же. Д. 1175. Л. 1–2 об.
15. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1218. Л. 64 об.
16. Там же. Д. 2469. Л. 2; Константинов В. Николай II в 1905 году. С. 437; Переписка Николая II и Марии Федоровны // Красный архив. М., 1927. Т. 3. С. 184–186.
17. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. С. 7.
18. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 476.
19. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 7.
20. РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 75. — 1905 г. Л. 38.
21. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д. Ю. Арапов. М., 2001. С. 287–288.
22. *Сеидзаде Д. Б.* Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991. С. 12–16.
23. ОР РГБ. Ф. 58/І. Картон 97. Д. 12. Л. 323.
24. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 247. Л. 34.
25. *Сеидзаде Д. Б.* Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. С. 22–29.
26. *Мильман А. Ш.* Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX веков. Баку, 1966. С. 250–251.
27. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 1231. Л. 2 с об.
28. *Маглакелидзе С. В.* Старосельский (Документы и материалы). Тбилиси, 1969. С. 21, 179; Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины (Из переписки П. А. Столыпина с гр. И. И. Воронцовым-Дашковым // Красный архив. 1929. Т. 4(35). С. 142.
29. *Маглакелидзе С. В.* Старосельский (Документы и материалы). С. 115.
30. Красный архив. Т. 11–12. 1925. С. 437.
31. *Флоринский М. В.* Совет министров и Кавказское наместничество в 1905–1914 гг. С. 26.
32. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 548.
33. *Флоринский М. В.* Совет министров и Кавказское наместничество в 1905–1914 гг. С. 25.
34. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 207–208; Т. 3. С. 464.
35. Борьба с революционным движением на Кавказе // Красный архив. 1929. Т. 3(34). С. 187–227; Т. 4(35). С. 128–150.
36. Там же. Т. 4(35). С. 141.
37. *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1927. С. 44.
38. Из дневника Л. А. Тихомирова. 1907–1912 // Красный архив. 1935. Т. 5(72). С. 150.
39. Дневник Половцова. 1905 // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 67–68.
40. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 488.
41. Законодательные акты переходного времени 1904–1906 гг. СПб., 1909. С. 116, 129.
42. Избирательный закон в Государственную Думу по Кавказу (3 июня 1907). Баку, 1912.
43. Правила о применении к губерниям и областям Кавказского края Положения о выборах в Государственную Думу и дополнительных к нему узаконений. 2 февраля 1906. ПСЗ(III). Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. № 27318.
44. Более подробно см.: *Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 21–42.
45. Изучению трактовки термина «инородцы» посвящена работа американского ученого Джон У. Слокума «Кто и когда были „инородцами“? Эволюция категории „чужие“ в Российской империи» // Российская империя в зарубежной историографии. С. 503.
46. Особые журналы Совета министров царской России. 1907 год. Ч. II. М., 1985. С. 242–296.

47. ПСЗ(III). Т. 25. № 26089.
48. *Тхоржевский И. М.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 44—45.
49. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908. Сессия первая. СПб. Т. 1. С. 128, 526; *Вощинин В. П.* Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. СПб., 1912. С. 131, 134—135.
50. *Ананьев Б. В., Ганелин Р. Ш. М. П. Драгоманов и П. Н. Милюков о самоуправлении и федерализме // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли.* СПб., 1997. С. 83—84.
51. Там же. С. 86—87.
52. Всеподданнейший доклад государю императору от 20 февраля 1909 г. о привлечении к судебной ответственности члена Государственной Думы В. Пуришкевича по обвинению его в оклеветании Н. Петерсона и всеподданнейшая просьба Н. Петерсона на оклеветание его Пуришкевичем. Тифлис, 1909. С. 3.
53. Там же.
54. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., Т. 2. С. 313.
55. ОР РГБ. Ф. 58/1. К. 85. Д. 12(1). Л. 32—33 об.
56. ПСЗ(III). СПб., 1915. Т. 32. Отд. 1. № 38539.
57. Всеподданнейшая записка. 1907. С. 41; *Богданова Н. Г.* Аграрные отношения в Азербайджане в 1870—1917 гг. // Исторические записки. М., 1941. Т. 12. С. 224.
58. Более подробно см.: *Исмаил-Заде Д. И. Русское крестьянство.* С. 188—208.
59. Более подробно см.: Там же. С. 179—180.
60. Там же. С. 178.
61. Там же. С. 191, 193—194.
62. ОР РГБ. Ф. 58/II. Картон 58. Д. 1. Л. 5.
63. Всеподданнейший отчет за пятилетие управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910. С. 35—36. См. также: Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Мугансскую степь в 1913 г. Приложение к Всеподданнейшему докладу. СПб., 1913. С. 28—29.
64. *Исмаил-Заде Д. И. Русское крестьянство.* С. 188.
65. Там же. С. 195—200.
66. Более подробно см.: *Исмаил-Заде Д. И. «Земли... будут отданы вам в вечное владение...» // Россия и Кавказ сквозь два столетия.* СПб., 2001. С. 257—268.
67. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 623. Л. 1.
68. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1210. Л. 20—24, 28—41, 42—43 об.
69. Совет министров Российской империи. 1905—1906. Л., 1990. С. 119—125.
70. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 14.
71. *Мильман А. Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX веков.* С. 276—279.
72. Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. Л.; М., 1925. С. 135—137.
73. Более подробно см.: *Исмаил-Заде Д. И. Население городов Закавказья.* С. 99—107.
74. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 753. Л. 1 об.
75. ЦГА Азербайджана. Ф. 45. Оп. 1. Д. 127. Л. 1 об., 8—30 об.
76. Письма великого князя Николая Михайловича к императору Николаю II / Публ. Д. И. Исмаил-Заде // Российский архив. Т. IX. М., 1999. С. 353.
77. ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 123. Л. 58.
78. ОР РГБ. Ф. 58/II. Картон 104. Д. 2. Л. 23 с об., 24, 27 об.
79. Там же. Картон 97. Д. 12. Л. 2, 45, 115; Картон 57. Д. 2. Л. 3. с об.—4.
80. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 247. Л. 37.
81. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 8. Л. 66а.
82. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 14. Л. 1—4, 24, 30, 36; ОР РГБ. Ф. 58/II. Картон 136. Д. 2. Л. 1; Д. 24. Л. 1.
83. Юбилей пятидесятилетней службы в офицерских чинах графа И. И. Воронцова-Дашкова. 1858—1908. Тифлис, 1908. С. 7.

Глава 5. Кавказские уроки И. И. Воронцова-Дашкова

84. ОР РГБ. Ф. 58/II. Картон 57. Д. 3. Л. 38, 39, 41 об., 46.
85. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 14. Л. 65.
86. ОР РГБ. Ф. 58/I. Картон 32. Д. 40. Л. 2–3, 5–6, 13, 15.
87. *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 146.
88. Архив русской революции. Т. 18. М., 1993. С. 30, 37.
89. Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. С. 984; Т. 1. М., 1961. С. 333–334.
90. ГАРФ. Ф. 601. Д. 1113. Л. 1, 2 об., 3.
91. Там же. Л. 4 об.
92. Красный архив. Т. 26. С. 124.
93. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2465. С. 68.
94. Там же. Д. 877. Л. 1.
95. Новое время. 1915. 18 сентября.
96. Русское слово. 1915. 19 сентября.
97. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 43–44.
98. Переписка Николая и Александра Романовых. 1914–1915 гг. // Красный архив. Т. 3. М.; Пг., 1923. С. 475, 476; Т. 4. С. 59, 60.
99. Вестник Европы. 1916. № 2. С. 371–372.